

жвалевский/мытько

Норри Гаттер

всё!

не только
для
взрослых

юмор/фэнтези

Андрей Валентинович Жвалеvский
Игорь Евгеньевич Мытько
Порри Гаттер. Всё! (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7278316
Порри Гаттер. Всё!: Время; Москва; 2007
ISBN 978-5-9691-1251-3

Аннотация

Как-то раз авторы этой книги пошутили – что если бы Гарри Поттер был, скажем, Порри Гаттером? И мечтал не вонючие зелья волшебной палочкой помешивать, а изучать физику, химию и математику... Так, слово за слово, шутка разрасталась и выросла в уморительную пародию. Девятьсот страниц и сто с лишним тысяч проданных экземпляров для шутки – это уже серьезно. Вы, конечно, узнаете школу чародейства и волшебства – хоть ее и мама родная Роулинг не узнала бы. Да и сама история, рассказанная старыми кавээнщиками, похожа на сюжет поттерианы разве что самую малость – в пределах допустимых отклонений от специальной теории относительности и в рамках стандартного Гауссова распределения... По многочисленным просьбам юных читателей, после бесконечных жалоб магов и волшебников, по специальному распоряжению правительства «О защите людей от информации, приводящей к приступам хохота до

колик», – перед вами новое самое полное и развесистое издание (почти) бессмертного шедевра «Порри Гаттер. Всё!».

Содержание

Отзывы	6
Заблудившийся эпилог	10
Порри Гаттер и Каменный философ	18
Глава 1. Мальчик, который не только выжил, но и всем показал	19
Глава 2. Семнадцатое августа	32
Глава 3. Дутый переулок	47
Глава 4. Перрон 3,14159	66
Глава 5. Прибытие в Первертс	84
Глава 6. Околпачивание	97
Глава 7. Напотейтоу	111
Глава 8. Крах Каменного Философа	129
Глава 9. Бэбиситтинг	150
Глава 10. Черная тень фиолетового цвета	165
Глава 11. Тайна Саддама Хусейна	186
Конец ознакомительного фрагмента.	189

**Андрей Жвалевский,
Игорь Мытько
Порри Гаттер.
Всё! (сборник)**

© Жвалевский/Мытько, текст, 2007,

© В. Калныньш, оформление, 2007,

© Вера Коротаева, графика, 2007,

© «Время», 2007

* * *

ОТЗЫВЫ

Книга молодых авторов Жвалевского и Мытько «Порри Гаттер и Каменный Философ» – искрометная и очень смешная пародия на творение знаменитой шотландки

(«*Аргументы и факты*»).

Стоит сказать и о принципиальном отличии «Порри Гаттера» от многих других литературных пародий. Это совершенно самостоятельная книга с вполне оригинальным детективным сюжетом, сохраняющая до последней страницы замечательно яркий и добрый юмор. Поклонники начали требовать продолжения – чего-то вроде «Порри Гаттера и Комнатной тайны». Однако авторы не стали так буквально дублировать самих же себя, и вот – «Личное дело Мергионы». Долгожданная вторая книга – такая же неожиданная и искрометная, как и первая

(«*Книжное обозрение*»).

Чем больше сказок для «младших научных сотрудников» (даже если они зовутся менеджерами, политтехнологами, пиарщиками и прочими дикими именами), тем лучше. И уж совсем смешно ждать рекламаций от Честертона, Толкиена, многочисленных родителей Фантомаса, в конструктивный диалог с которыми вступили Жвалевский и Мытько. Они,

как и Джоан Ролинг, только порадуются веселой книге, где – при всех пародийных наворотах и разоблачительных пассажах – «добро побеждает зло», а авторы осмотрительно уточняют: добро – подлежащее; зло – существительное, а не наречие (*«Время новостей»*).

Чуть ли не в каждой фразе – игра слов, причем в большинстве случаев не вымученная, а по-настоящему остроумная. При этом авторы смешивают в своей книге разнообразнейшие мифологические сюжеты (перед нами, можно сказать, веселый дайджест энциклопедии «Мифы народов мира») и нашу современную реальность (*«Русский журнал»*).

В серьезном настроении эту книгу лучше не открывать. Впрочем, ради чего ж мы читаем Жвалевского и Мытько, как не ради смеха? Книжка смешная. Совершенно не «поттерская», но ничего плохого я в этом не вижу, даже наоборот – сколько можно, в конце концов, перемывать кости бедняги Гарри? Хочется думать, все-таки, что наши авторы на что-то способны и без зарубежных «прототипов» (*«Книжная витрина»*).

Помимо занятного синопсиса (сюжета, фабулы), творчество Жвалевского и Мытько отличается поразительно (наверное, из-за недостатка аналогов) острым чувством юмора. Не буквально, а с абсолютной

ясностью на каждой странице можно отыскать россыпи удачных шуток, приколов и сатиры. Читается захлёб! («*Мир ПК*»).

Сколько я читаю Жвалевого А. и Мытько И., столько они меня ставят в «тупик». Никак не удастся предугадать, что ждет тебя в новой книге. Мало того, неизвестно, что будет на следующей странице. Буквы, слова и словосочетания Андрей Валентинович и Игорь Евгеньевич выстраивают в таком замысловатом порядке, что чтение всех этих взгромождений символов подымает настроение и обогащает читателя. Итог. В первой книге трилогии авторы всласть посмеялись над бедной (прошу извинения за каламбурчик) госпожой. Во второй прошлись по обществу в целом. В третьей – по обществу в частях и особенно хорошо по самим себе (или авторской братии в целом) («*Архивы Кубикуса*»).

Кроме Гарри Поттера, авторы прочли еще несколько книг, посмотрели несколько фильмов и это заметно: получилась гремучая смесь КВН-а, митьков, развеселого абсурда и даже братьев Стругацких («*Эхо Москвы*»).

Оказалось, книги о Порри Гаттере нужны «думающему большинству» россиян – этому антиподу «молчаливого большинства» американцев («*Российская газета*»).

Этот соавторский проект – пародия на Гарри Поттера, выполненная с блеском. Щедрость авторов на юмор, достигающий изощренности интеллектуального стеба, – некоммерческая, на грани с чистым искусством – заставляет жалеть, что их литературный дар (интересно, он у них один на двоих?) тратится на столь легкомысленные вещи (*«Знамя»*).

Язык авторов настолько увлекателен, что прочтение книги будет показано абсолютному большинству: она не воспринимается как простая пародия, нет – это нечто большее, своеобразное и изящное – пример настоящего искусства и мастерства писателей (*«Компьютерная газета»*).

Заблудившийся эпилог

Возвращение магии

*Как вы посмели не вернуть всем магию?!
Из письма читательницы*

Мистер Мордевольт положил руку на тумблер и хищно прищурился. Миссис Мордевольт ответила ему таким же хищным взглядом и для разминки потрясла кистями рук.

– Послушайте, – добрый профессор Югорус Лужж рукам места найти не мог. – Я вас умоляю! Остановитесь! Одумайтесь! Вы подвергаете неизвестной опасности...

– Профессор, не надо высоких слов, – мистер Мордевольт в нетерпении пристукнул каблуком, прищемив злоеющую фиолетовую мантию. – Меня не остановить! 25 августа 2003 года обречено стать краеугольной вехой в истории ма-

гического человечества и смежных рас!

– Но как же дети... – на добром лице Югоруса Лужжа появилось что-то вроде решимости. – Я прошу удалить отсюда хотя бы детей.

Дети не поддерживали профессора. Мергиона Пейджер в очередной раз попыталась пробить магический барьер, за которым их заперли. Сен Аесли задумчиво почесал очки. Отозвался только Порри Гаттер:

– Правильно, удалите меня отсюда! Впустите меня сюда! Я тоже хочу поучаствовать...

– Тихо там! – прикрикнула миссис Мордевольт. – Дорогой, давай скорей с этим кончать. Нам нужно еще успеть обсудить маршрут круиза.

Мистер Мордевольт мысленно сплюнул через левое плечо, мысленно выругал себя за суеверия и реально щелкнул тумблером.

Луч света, пробившийся сквозь закопченное оконное стекло, резко затормозил и медленно пополз до пола. Лужж и миссис Мордевольт замерли, направив друг на друга волшебные палочки. Дети за перегородкой застыли, как замороженные. Даже собственная рука мистера Мордевольта словно прилипла к тумблеру. Он поднес ладонь к глазам и потряс, но изображение руки так и осталось у приборной панели.

– Какого черта! – донесся голос миссис Мордевольт. – Ты уже врубишь свою адскую машину, или как?

Мистер Мордевольт посмотрел на миссис Мордевольт, и увидел, как ее губы начали беззвучно шевелиться.

– Она уже работает! – мрачность мистера Мордевольта на мгновение сменилась торжеством. – Скорость света уменьшена в сто миллионов раз! Теперь свет не успевает за временем! Мы видим картинку из прошлого!

– А ты знаешь, что сначала говоришь, а потом открываешь рот? – спросила миссис Мордевольт.

– Потому что теперь даже скорость звука в сто раз больше скорости света. Но не время болтать, начинаем!

– *А-за-ними-кот-задом-наперед!* – рявкнула его супруга.

– *Раз-вы-так-то-вот-вам!* – ответил тонкий голос Югоруса.

«Интересно, – подумал мистер Мордевольт, – а все-таки, что получится, когда они столк...»

Развить мысль он не успел. Трудно что-то развивать, когда тебя чуть не развеивает по воздуху, а потом переворачивает и швыряет вниз...

...Открывал глаза Мордевольт с внутренним трепетом, ожидая увидеть следы разгрома и покореженную установку. Однако ничего не изменилось: миссис Мордевольт и Югорус Лужж все так же тарасились друг на друга, дети тарасились из-за перегородки, а сам он тарасился на приборную доску. Видеть себя сзади было немного странно. «Жена права, – подумал мистер Мордевольт, – нужно аккуратнее подстричь затылок».

– Какого демона тут происходит? – немедленно отозвалась жена. – Почему я вижу себя сзади? И почему мне никто не сказал, что я страшно растолстела?!

Голос доносился откуда-то из подножья видимой миссис Мордевольт. Голос Лужжа из противоположного, но тоже нижнего угла лаборатории ответил:

– Заклинания столкнулись и образовали банальную петлю времени.

– Я сейчас кого-то придушу без всякой петли! Да запусти ты свет с нормальной скоростью! Я уже со всех сторон себя рассмотрела, спасибо!

– Банальную петлю времени? – разочарованно повторил Мордевольт, поводит пальцем, с пятого раза совместил оригинал с изображением и все-таки попал в тумблер. И тут же увидел, что тумблер остался единственной целой деталью установки, покореженной в полном соответствии с его ожиданиями. «Все-таки научное предвидение – великая вещь», – подумал мистер Мордевольт.

– Вообще-то, – сказал Лужж, попадая губами в такт словам – не совсем банальную. Метра три в диаметре и с отсылкой назад ровно на год.

– Так я... то есть мы помолодели на целый год? – обрадовалась миссис Мордевольт.

– Нет, обошлось, – сказал добрый Югорус Лужж. – Мы в петлю не попали. Петля пошла сначала вверх, потом туда, а потом вон туда... туда... туда...

Мистер и миссис Мордевольт повернули головы в направлении, заданном вдруг задрожавшей рукой профессора Лужжа. Загончик за магической перегородкой был пуст.

* * *

– Тот самый Порри Гаттер! – произнес Порри Гаттер страшным голосом.

Мерги сморщила лоб, будто что-то припоминая.

– А-а-а, – протянула она, – это которого в детстве Мордевольт по башке шарахнул?

Порри нахмурился. И так и остался в нахмуренном состоянии. Происходило что-то странное. Это почувствовала и Мерги, которая продолжала морщить лоб в попытке что-то вспомнить.

– Как романтично, – произнес Сен. – Судя по теме беседы, вы только что познакомились...

Сен запнулся.

– Что ты сказал? – медленно спросил Порри. – Мы только что познакомились?

Дети огляделись. На перроне 3,14159 гремели невидимые оркестры, толпились ахающие мамочки, тосковали отцы, носилась малышня. Отовсюду скалились мумифицированные проводницы в голубой униформе. Дух Анны Карениной витал, как проклятый. Стая смехотворных крокодиличков дралась за хлебные крошки с голубями.

Мерги схватила за голову и заорала:

– Это не мы! У меня прическа другая! Я такие уже год не носила!

Сен молча извлек магильник.

– Он же у тебя отключен, – сказал Порри, – то есть... был отключен год назад.

– Сейчас и есть год назад, – Сен показал экран магильного телефона.

Вверху горело: «Нет денег – нет базара».

А чуть ниже: «25 августа 2002 года».

– Так мы просто в прошлое перенеслись? – с облегчением спросила Мерги. – А я-то испугалась, что у меня с головой нелады.

– А разве это не опасно? – забеспокоился Порри. – Если мы вернулись в прошлое, мы можем встретить здесь самих себя...

– Ну мы друг друга и встретили, разве нет? – заметила Мергиона. – Вы лучше скажите, нам что, придется в точности повторить все, что было? И через год мы опять попадем в петлю времени и вернемся сюда?

– Нет, конечно. – сказал Сен. – Мы ведь уже ведем себя не так, как в прошлый раз.

– Здорово! – воскликнул Порри. – Мы теперь будем знать, и кто строит все козни и каверзы, и где будут ловушки, и когда нас магии лишат...

Мальчики переглянулись и выхватили волшебные палоч-

ки.

– *Пропеллершус!* – крикнул Порри, и один из крокодилчиков завертелся на месте, как фигурист Ягудин.

Голуби бросились врассыпную, а крокодилчики – спасать товарища.

– *Гон!* – добавил Сен, и маленький зубастик перестал вращаться, как Ягудин, зато совершил прыжок, достойный Бубки.

– Магия! Магия вернулась! – завопили мальчишки и от избытка чувств принялись лупить друг друга палочками.

Мергиона разделила с друзьями чувства и действия. Окружающие покосились на расшалившихся первокурсников: колдуны – неодобрительно, колдуньи – с умилением.

Первой пришла в себя Мерги.

– Пацаны! – сказала она. – А ведь у нас впереди нехилый год. У нас такое будет! У меня прямо заранее кулаки чешутся!

Порри Гаттер попытался застегнуться на оставшиеся пуговицы:

– Все равно не понимаю, как можно прожить целый год, наперед зная все, что случится.

Сен Аесли выколдовал себе новые очки и сказал:

– Это как еще раз перечитать книгу, наперед зная все, что в ней написано.

– Ой, на кого ж нас покидает скорый поезд № 13613! – вдруг заголосили проводницы. – Отъезжающим занять ме-

ста! Провожающим покинуть! Поезд отправляется через двенадцать секунд! Восемь секунд! Четыре секунды!..

Мерги повернулась к друзьям, взмахнула рукой, и все трое радостно завопили:

– Поехали!

Порри Гаттер и Каменный философ *Мировая пародия на мировой бестселлер*

*Авторы благодарят Джоан К. Ролинг за
создание великолепных книг о Гарри Поттере*

*Все совпадения находятся в пределах
нормального (Гауссова) распределения. Все
заклинания и заговоры приведены по согласованию с
праводержателями.*

*Ни одна упомянутая торговая марка при
написании произведения не пострадала.*

*Harry Potter, names, characters and related indicia
по-прежнему are copyright and trademark Warner
Bros.*

Кто не спрятался, мы не виноваты.

Глава 1. Мальчик, который не только выжил, но и всем показал

В угловом доме 13/13 на пересечении улицы Вязов и аллеи Долгоносиков странные вещи не случались только по понедельникам с утра. По понедельникам с утра папаша Гаттер предпочитал полежать на диванчике, предаваясь размышлениям о том, как славно он провел уикенд, а перед ним – и всю неделю. Директор Департамента Суеверий, которого подчиненные звали Дикобразом, а друзья-волшебники – просто Диком, любил повеселиться на славу.

Простые жители Лондона до сих пор с содроганием вспоминают нашествие пятиногих страусов, неделю подпрыгивающих яиц и ноябрьский ливень-тараканопад. Сам Дик вершиной своего творчества считал массовое самоубийство го-

родских винчестеров. Но в тот зимний понедельник, когда все это как раз и произошло, папаша Гаттер ничего приятно-го вспомнить не мог, потому что в последнее время совсем не развлекался и даже начал избегать встреч с друзьями.

Заметим, что у Дика Гаттера все друзья – волшебники. И женушка его, обаяшка Мэри, тоже ведьма (в изначальном смысле этого слова). И пятилетняя дочь, вылитый ангелочек, названная Гингемой в честь прабабушки. Так уж повелось, что в роду Гаттеров все были колдунами и колдуньями.

– Вот именно, «были», – проворчал отец семейства, мрачно глядя на колыхающийся потолок. В комнате наверху уже полтора часа продолжалась битва – малышка Гинги пыталась превратить отчаянно упирающегося кота Кисера в совенка. Но не это беспокоило старшего Гаттера – дело молодое, да и совенки девочке пригодился бы. Беспокоила его, причем чрезвычайно сильно, парившая в центре гостиной детская кроватка, точнее, ее обитатель.

Очаровательный младенец, пухлый, горластый и розовощекий, появился в семье полгода назад. Все в младшем Гаттере было замечательно и умиляло родителей: непрерывный писк, скорость, с которой он приводил в негодность памперсы, постоянно сморщенный в обиде лоб. Одно плохо, нет, ужасно: маленький Порри совершенно не был волшебником.

Надо сказать, что новорожденный колдун – это землетрясение, поселившееся в детской комнате. Любой каприз малыша буквально переворачивает дом вверх дном (кстати,

случалось на улице Вязов и такое). Пустышки взрываются как петарды, пеленки разлетаются стаей испуганных перепелок, бутылочки сами собой наполняются молоком из соседских холодильников... Словом, только мама-колдунья может противостоять тому тайфуно-урагано-цунами, которое устраивает ее чудесный отпрыск. А уж когда начинают резаться зубки, тут и папочке приходится брать отпуск и сидеть с волшебненьком – чего доброго, подожжет занавеску или доведет до слез соседскую горгулью.

Малыш Гаттер оказался не таким. Конечно, он исправно орал, плевался пустышкой и устраивал ночные концерты не хуже любого другого младенца, но почему-то без нормальных для его возраста взрывов, фейерверков и прочих катаклизмов. Поначалу это даже радовало родителей, которые хвастались перед соседями покладистым нравом сына, но очень скоро зависть окружающих сменилась сочувствием. Где это видано, чтобы трехмесячный пацан ни разу не заставил кошку шлепнуться о потолок или не разнес весь фарфор в доме, когда у него болел животик!

К полугодию Порри уже не оставалось сомнений в том, что он не волшебник, а самый обыкновенный мудл. Так у колдунов принято называть те несчастные создания, которые по непостижимой причине не в состоянии проходить сквозь стены, добывать огонь усилием воли или обратимо мутировать.

Старинный род Гаттеров давно не переживал такого по-

зора, как рождение мудла. В минуту помрачения рассудка старший Гаттер даже заподозрил, что Порри не его сын! Но Департамент Астрологии быстро развеял страшные сомнения: чрезвычайно редкая комбинация Марса, Сатурна, Юпитера и сошедшего с орбиты российского спутника неизбежно примудлячивала каждого, кто имел неосторожность появиться на свет в день рождения Порри Гаттера.

Еще быстрее развеяла крамольные сомнения отца семейства Мэри Гаттер, которая устроила грандиозную сцену с применением нескольких запрещенных – по соображениям нравственности – заклинаний. И хотя Мэри, слышавшая ведьмой отходчивой, быстро успокоилась и даже почти простила старшего Гаттера, бедняга до рассвета лечил «Кровью вампира» телесные и моральные повреждения.

Неудивительно, что папаша Дик был сильно не в духе в то памятное понедельничное утро, когда все и произошло. Он рассеянно помахивал волшебной палочкой в такт производимым то ли Гинги, то ли Кисером глухим ударами по потолку, заставляя кроватку Порри то взлетать вверх, то ласточкой падать вниз, совершая по пути фигуры высшего пилотажа. Обычно это успокаивало сына, но на сей раз даже две петли Нестерова в сочетании с «бочкой» и пролетом под столом в перевернутом положении не дали результата.

– Баю-бай, баю-бай, давай засыпай, баю... Да замолчишь ты или нет, разрази тебя Мордевольт!.. – воскликнул Дик так громко, что с кухни тут же прилетела мама.

– Что ты такое говоришь! – воскликнула она, приземлилась и нежным материнским взмахом палочки прижала мгновенно заснувшего малютку к груди. – Так недолго и беду накликать!

Мэри была права: Мордевольт был ужасом мира волшебников. Самые отважные из магов на всякий случай начинали мелко трястись при одном его имени, самые трусливые на всякий случай тряслись постоянно, даже во время еды, а вместо страшного слова Мордевольт на всякий случай говорили Тот-произнесение-имени-которого-сопряжено-с-определенными-фонетическими-трудностями.

Прирожденный колдун, подававший в юности исключительные надежды, Тот-чье-имя-неприлично-произносить-в-общественных-местах уже в зрелом возрасте встретился с духом Леонардо да Винчи и с тех пор вбил себе в голову, что будущее человечества не в замшелых заклинаниях, а в научно-техническом прогрессе. Лучший преподаватель школы волшебства Первертс забросил докторскую диссертацию на перспективную тему «Некоторые аспекты демографии вервольфов» и принялся изобретать радиоуправляемые самолетики и электрические выключатели. Над Мордевольтом поначалу открыто потешались, но однажды невинное чудачество обернулось настоящим кошмаром.

Ни одного волшебника не уцелело в тот день, когда Тот-кто-ну-короче-вы-меня-поняли, доведенный до отчаяния насмешками, выхватил из недр зловещего синтетическо-

го плаща огромную черную Трубу и направил ее на обидчиков. Их было шестеро, великих магов и кудесников, но ни один не смог противостоять действию Трубы, потому что коварный Мордевольт создал ее без единого заклинания, на одних только хитроумных часовых механизмах тайваньского производства. Мгновение – и на месте волшебников образовалась кучка растерянных мудлов, которые не только не обладали колдовским даром, но и напрочь позабыли, кто они и зачем у них в руках эти странные и опасные на вид палки.

С тех пор безмятежной жизни колдунов и ведьм пришел конец. Бледный, как смерть от обезвоживания, Мордевольт, взявший себе второе имя – Враг Волшебников (В.В.), возникал то там, то сям, взмахивал роковой Трубой и безжалостно превращал могучих колдунов в слабых и убогих мудлов. Бесстрашные маги-Арнольды, облаченные в заземленную броню, уже десять лет охотились за Тем-как-его-блин-опять-из-головы-выскочило, но В.В., бессовестно применявший при случае и колдовские навыки, всякий раз ускользал, приложив по дороге пару-тройку героев. Количество обезмагнутых Мордевольтом волшебников уже достигло 665, и становиться 666-м (хоть число и считалось счастливым) не хотел никто. Правда, не все это признавали.

– Мордевольт! – закричал папаша Гаттер, пытаясь перекрыть нарастающий шум сверху, – Мордевольт-Мордевольт-Мордевольт! Что за дурацкие предрассудки, Мэри! Чтобы действительно накликать беду, нужно использовать

столько дурацких суеверий, что проще одолжить у дурацкого Мордевольта его дурацкую Трубу. А дурацкое это имя – Мордевольт – можно повторить хоть 666 раз!

– Бам-бам-бам! – зазвонил колокольчик над входной дверью.

– Соседи пришли на Гинги жаловаться, – забеспокоилась Мэри, – я успокою малышку, а ты уладь с соседями. – И она пронеслась сквозь потолок в детскую, где застала юную Гингему в окружении десятка орущих копий кота Кисера, причем самый маленький кисер был размером с мышь, а самый большой уже проломил головой крышу.

Гаттер сунул палочку в карман халата и поплелся в прихожую. Разговаривать с кем бы то ни было, а тем более что-то улаживать ужасно не хотелось.

– Ну кто там еще приперся на день глядя?! – грозно крикнул он, подходя к двери и надеясь, что такое начало сразу погасит запал жалобщиков.

– Тот-чье-грозное-имя-черной-тенью-нависло-над-беспомощным-миром, – ответили снаружи.

– Здрасьте! – разозлился Гаттер. – Что за дурацкие розыгрыши! – и распахнул дверь, собираясь хорошенько объяснить неизвестному юмористу, что даже удачная шутка, сказанная не в то время и не в том месте, может стоить Тому-кто-позволяет-себе-иронизировать-над-директором-департамента-суеверий нескольких визитов к стоматологу, а также к окулисту, травматологу, отоларингологу...

На пороге стоял Мордевольт.

Папаша Гаттер на мгновение остолбенел, но лишь на мгновение, – все-таки он был весьма тренированным магом. Через долю секунды волшебная палочка Гаттера уже была направлена на Врага Волшебников, короткое заклинание, и...

Увы и ах. Надо же было такому случиться, что Дик второпях выставил вперед тупой конец палочки, а острый, средоточие магии, оказался нацеленным точно в живот Гаттера.

– Вот какие заклинания сейчас в моде в Департаменте Суеверий, – Мордевольт с интересом посмотрел на стремительно покрывающегося роговыми наростами Дика Гаттера. – Даже и не знаю, лишать ли высокопоставленного мага таких способностей.

В.В. ткнул пальцем в грудь окостеневшего Гаттера, и тот рухнул к ногам злодея.

– Да-а-а, – протянул негодяй, – я начинаю задаваться. В том числе я начинаю задаваться вопросом, правильно ли я выбрал дело всей жизни. Если лучшие волшебники способны только на такие подвиги, не стану ли я шутком, бесконечно играющим свою незатейливую роль среди столь же примитивных персонажей?

Тот-у-кого-уже-давно-не-было-достойного-собеседника перешагнул через слабо шевелящегося Гаттера, прошел в гостиную, окинул скептическим взглядом стены с легкомысленными гобеленами и вдруг увидел детскую кроватку.

– Младенец, – прошептал В.В., склонившись над посапывающим Порри, – магический младенец. Какой неожиданный поворот судьбы. Именно тогда, когда я начал разочаровываться в своей миссии...

В комнату влетела Мэри, ахнула, взмахнула волшебной палочкой...

– Нет-нет, – произнес В.В., небрежным жестом окружив себя и кровать зеленоватой сферой¹, о которую со звоном разбился мощный луч, вылетевший из палочки Мэри. – Никаких возражений. И никаких больше недоучившихся старичков-магов, нет! Вот она, подлость, которая останется в веках. Какое непревзойденное злодейство – обезмажить шестимесячного несмышленища! Какое горе ждет его родителей! – Мордевольт посмотрел сквозь сферу на Гаттеров, ожидая увидеть душераздирающую сцену, и удивленно приподнял бровь.

Собравшееся за сферой семейство Гаттеров вело себя странно. Папаша Дик, ежесекундно сбивая палочкой стремительно растущие рога, что-то втолковывал Мэри. Мать тигрицей ходила взад-вперед, бросая на незваного гостя тяжелые взгляды. Маленькая девочка, повязав гигантский бант на шее чрезвычайно обиженного кота, показала Врагу Волшебников язык, хихикнула и отвернулась.

– Вырожденцы, – констатировал Мордевольт. – Да, я прав,

---

¹ По всей видимости, речь здесь идет о Сфере Фигвамера, непроницаемой для магии, громких звуков и тяжелых предметов.

здесь мне делать больше нечего. А вот младенец, младенец... – Он мечтательно прикрыл глаза. – После такого выдающегося преступления можно и на покой... Оставить этот суетливый испуганный мир колдунов, уехать в Австралию, заняться разведением простых электрических овец... Это ли не счастье? Решено! Ты, безымянный малыш, будешь 666-м и последним!

Тот-кто-решил-оставить-шоу-бизнес-и-припасть-к-истокам достал из-за пазухи внушительную черную трубу, из кармана плаща еще одну, щелчок – получилось что-то вроде двустволки. Еще одна труба, щелк, еще одна, еще... Через минуту в руках у Мордевольта оказалось устройство, более всего напоминающее компактный двенадцатиствольный миномет.

– Надо действовать наверняка, – назидательно произнес В.В., – чтобы получился не просто мулл, а настоящий муллила, который не только не способен к магии, но еще и не верит в НЛЮ, Санта-Клауса и любовь с первого взгляда.

Мордевольт навел миномет на Порри, счастливо вздохнул и нажал на кнопку.

Бабах!

Дюжина фиолетовых искр вылетела из черных трубок, ударилась о лоб Порри, отскочила и впилась в Мордевольта. Сфера Фигвамера бесшумно опала, а Враг Волшебников начал стремительно бледнеть.

– Ах, так! – заголосил В.В., сквозь которого уже видне-

лись стены. – Тогда можно и по-другому! – Из рукава плаща в ладонь Мордевольта скользнула волшебная палочка. – *Раз-вы-так-то-вот-вам!* – выкрикнул он одно из самых опасных заклинаний, и... ничего не произошло. Тот-кто-опротечиво-решил-вырыть-яму-другому потерял магическую силу, сраженный собственным изобретением.

– Я обиделся! – выкрикнул Мордевольт. – Теперь я все-рьез обиделся! Когда я вернусь, не будет пощады ни...

Внезапно какая-то сила подняла негодяя над полом, пронесла по гостиной и окунула в сосуд с аквариумными жабками. Гаттеры посмотрели друг на друга, завертели головами в поисках сделавшего это мага... и увидели Порри, который увлеченно водил пальчиком вверх-вниз, макая Того-кто-не-подумав-наехал-не-на-того-парня в болотную воду.

– Маленький мой! – завизжала Мэри. – Ты стал магом! – и она схватила Порри и принялась покрывать его поцелуями. Малыш оставил Мордевольта, и тот – настоящий фантом, – что-то сипя, ускользнул в вентиляционное отверстие.

Давно в доме Гаттеров не было такого праздника.

– Ах ты мой сладенький! Ах ты мой умненький! Мой герой! Мой маг! – Мэри высоко подбрасывала Порри, который с восторженным писком превращал стулья в разбежавшихся по дому маленьких диких пони.

– Порри маг! Порри маг! – заразившаяся общим настроением Гинги прыгала по дивану, хлопая себя ладонью по голове. – Порри, Порри, маг, маг, маг! Как же это! А вот так!

Порри маг! Квак, квак, квак!

– Как, собственно, я и говорил, – гудел Дик Гаттер, – Обезмаживающая Труба не может причинить мудлу никакого вреда. А поскольку заряд Трубы... э-э-э... просто так исчезнуть не мог... то... э-э-э... результат очевиден... И, конечно, волшебная сила Мордевольта должна была перейти к Порри, как я и говорил... то есть я этого не говорил, но по здравом размышлении...

– Мяу, – устало сказал Кисер, упал на свой коврик и прикрыл уши лапами.

Весть о чудесном избавлении от Мордевольта облетела волшебный мир со скоростью наскипидаренной совы. Отмечали это событие два месяца, на радостях разворотив пол-Англии, после чего Департаменту Затуманивания пришлось приложить немалые усилия, чтобы списать устроенные магами безобразия на фанатов «Арсенала».

Никто еще не догадывался, что вместе с мордевольтовской магической силой в малютку Порри влилась и беззаветная любовь Того-кого-уже-можно-называть-как-угодно к научно-техническому прогрессу...

Глава 2. Семнадцатое августа

Утро своего одиннадцатилетия Порри Гаттер провел на яблоне.

Вооружившись самодельным арбалетом с лазерным прицелом, он внимательно осматривал окрестности и мужественно вздыхал. Вокруг дерева медленно ходил кот Кисер. Над задним крыльцом дома медитировала сестра Порри, Гингема. Старшие Гаттеры выводили на лужайку самовыбывающиеся ковры, страдающие ревматизмом. Время от времени вся семья украдкой поглядывала на Порри: родители с беспокойством, старшая сестра снисходительно, а Кисер, недавно прошедший процедуру магического омоложения и вместе с возрастом утративший философское отношение к жизни, – с любопытством.

Порри полагал, что лазерный прицел арбалета – достаточ-

ная маскировка от родителей. Но Дик и Мэри были прекрасно осведомлены о всамделишном боевом лазере, который для видимости умел стрелять арбалетными болтами. Порри очень гордился своим оружием, а особенно тем, что оно сделано практически без помощи магии. Но разве что чуть-чуть, чтобы обеспечить корреляцию гармоник и обойти закон сохранения энергии... Впрочем, это совсем не важно и скучно.

Гораздо значительней была причина, по которой Гаттер-младший вообще взялся мастерить арбалет. Еще весной, когда он увлекся изготовлением «жучков» (для которых отлично подошли обычные тараканы), Порри случайно подслушал довольно неприятный разговор.

– Дорогой, нам нужно серьезно поговорить, – сказала мама.

– Ну-у-у! – закричал папа.

– Меня очень тревожит наш мальчик, – продолжила Мэри.

– Э-э-э... – уныло протянул Дик Гаттер.

– То, чем он занимается, это... это... я даже не подберу слов. Это...

– Ну же!.. – заорал глава семейства.

Слегка испуганный и донельзя заинтригованный Порри откопал в ящике стола радиоуправляемого рогатого жука, закрепил на спине пластмассового насекомого цифровую видеокамеру и запустил шпиона в направлении гостиной.

Вскоре на экране компьютера появилось изображение родителей, и по крайней мере, одно необычное явление получило объяснение – вопли Дика были реакцией не на слова Мэри, а на ход матча по футболу между «Маджестик Юнайтед» и «Визард Пингвинс», точнее, на неудачные попытки игроков любимой папиной «МЮ» прорваться к воротам соперника.

Вскоре футбольные фанаты настолько, что совершенно позабыли об игре и принялись устраивать потасовки, задиравшись с болельщиками, колотить судей, а также постоянно вылетать на метлах из колдовизора с целью спереть папино пиво со столика. Словом, это был не самый подходящий момент, чтобы затевать серьезный разговор. Но ведьмы потому и называются ведьмами, что устраивают неподходящие разговоры в неподходящее время. Впрочем, не ведьмы тоже.

Мэри решительно встала перед супругом.

– Дик! С ребенком надо что-то делать!

Папа, смутно осознав, что мама действительно обеспокоена, тут же откликнулся:

– Ага. И я тоже.

– Что «тоже»? Дик! Мальчик совершенно забросил магию! Его интересуют только компьютеры, процессоры и трансвестисторы!

– Транзисторы, – рассеянно поправил Дик, следя за матчем из-под руки Мэри, – эти штуки называются транзисторы. Куда?! – Форвард «МЮ» извернулся и ловко свистнул банку прямо из-под папиного носа. Это было ужасно: мало

того, что пиво пропало, так еще и судья вознамерился удалить нападающего за допинг. – Судью – с поля! А вы – вперед! Вперед, я говорю! Ну! Пас давай, дубина!.. Я тебе покажу «сам дубина»!

– Мне все равно, как и что называется! Мальчик нуждается в чутком отношении со стороны отца. Ты совершенно не занимаешься сыном! Да ты даже на меня внимания не обращаешь!

– И на меня тоже, – раздался голос Гингеми. Порри сместил жука, и в секторе обзора камеры появилась сестра. – Сто раз сказала папочке достать пригласительные на ночное шоу оборотней, и что? А я уже Вадик пообещала...

– Это твой новый мальчик? – заинтересовалась мама. – Вадик? В смысле, Владик? Наш сосед Дракулович?

– Нет, – смутилась девушка, – он... не наш. В смысле, мулл, да. Но он очень хороший! Стихи пишет: «Ты меня очаровала в тишине у сеновала...».

– Ой, зря ты его очаровала. Разочаруй, пока не поздно. Одна морока с этими смертными: сначала приворожи, потом окрути, а там глазом моргнуть не успеешь, как он помер. И опять все сначала! Только приворотное зелье зря переводить... Гинги, ты где?

– Я на кухне! – донеслось издали.

– Я же тебя просила – не ходи дома через стены! От этого обои портятся! И плитка трескается!

– А что случилось? – наконец подал голос Дик. Обе ко-

манды, жестоко искалечив друг друга, уже валялись на травке, играть стало некому, судья объявил перерыв на медицинско-восстановительные работы, и отец ненадолго вернулся в семью. – Плитка трескается? Небось опять строители на схватывающих заклинаниях сэкономили. Ну я Департаменту Возведения покажу! На ближайшем же заседании правительства...

– Дик, – очень серьезно сказала Мэри, – еще одно слово, и в правительстве появится вакансия. Слушай внимательно, говорю последний раз. Твой сын пренебрегает магией и все время мастерит всякую механическую дрянь.

– Да не может быть! – поразился Гаттер. – Ты уверена?

Мэри выразительно кивнула на притаившегося под журнальным столиком рогатого жука.

– Да, – признал отец, всмотревшись в чудо техники. – Ты права, как всегда. Но не во всем, как обычно. Беспокоиться не стоит. Семнадцатого августа прилетит сова с приглашением, отправим сыночка в Первертс, там из него эту дурь мигом выбьют.

– А его примут? С такими наклонностями?

– Можешь не сомневаться. Я замолвлю словечко перед руководством школы... А я все-таки первое лицо в Департаменте Суеверий... И не последний кандидат в премьеры... – Футбичное поле постепенно заполнялось отреставрированными игроками, и Дик Гаттер начал терять связь с действительностью. – ...Тетраль Квадрит скоро отправится на пен-

сию... И меня вместо него... вполне возможно... Конечно, всякие интриги... особенно со стороны Департамента Зату-манивания... Но их последние непростительные просчеты... Ну-у-у!.. Э-э-э... Ну же!..

Мэри вздохнула, привычным движением свернула со спины жука камеру и умело придавила сидевшего неподалеку подслушивающего таракана. Связь с гостиней прервалась.

Порри был в шоке. Более того, он впервые по-настоящему задумался о будущем. Школа колдовства Первертс могла серьезно помешать его планам – стать крутым хакером, как кузен Иван в Канаде.

Вот почему он сразу взялся мастерить удобное и простое оружие, из которого запросто можно сбить сову еще на подлете. Вот почему с самого утра семнадцатого августа торчал Порри на яблоне, с которой просматривалось все воздушное пространство возле дома. Ради такого случая он даже не побрезговал включить дополнительное, магическое зрение, но чертова сова все не объявлялась.

Часа через два у Порри затекли ноги и руки, а магическому зрению стали мерещиться зеленые чертики – точь-в-точь как у дяди Петроффа, папы кузена Ивана. Вся семья, включая Кисера, давно ушла в дом, откуда уже доносился манящий запах праздничного пирога, и мальчик совершенно неожиданно для себя понял, что сидеть в засаде – это невыносимо скучное занятие. А тут еще под яблоней возникла Гингема, которая на днях эффектно отшила занудного Вадим

ка и теперь пребывала в прекрасном настроении. Сестричка медовым голоском поздравила Порри с днем рождения и поинтересовалась, слезет ли любимый братик за подарками или их придется принести под дерево.

– Принеси, раз такая умная, – огрызнулся Порри.

– Боюсь, у меня не получится, – пропела Гингема, – некоторые подарки сюда не донесешь.

– Ну и Мордевольт с ними, – еще грубее ответил Порри. Он очень боялся пропустить сову.

– Ну ладно, – сестричка пожала плечами, – пойду скажу папе, что Интернет можно отключать.

Это был удар настолько ниже пояса, что Порри не раздумывая слетел с яблони и понесся домой. Интернет был отключен уже три недели, после серии химических опытов, которые младший Гаттер проводил в гараже для метел. Чтобы наказание было не слишком суровым, папа согласился включать Интернет по праздникам – таким, например, как очередная оплошность Департамента Затуманивания. Как назло, конкурирующее ведомство регулярно рапортовало об успехах, а папин Департамент Суеверий, напротив, несколько раз серьезно опозорился. Так что день рождения стал первым и – в обозримом будущем – последним днем допуска Порри в мудловскую Сеть.

«Ничего, – утешал себя юный волшебник, – раз совы до сих пор нет, то уже как пить дать не будет, а почту мне обязательно нужно проверить! И новости проверить! И новую

Мисс Сяню скачать!» Мысль о свежей Мисс Сяне заставила его перейти на бег, и через минуту, пролетев мимо родителей, Порри сидел перед клавиатурой.

Почты было действительно много. В основном поздравления от виртуальных друзей, недоуменные вопросы – «Ты где?:-(. КиберБой из Караганды» и рекламные рассылки – «Ни в коем случае не удаляйте это письмо, не прочитав его до конца! А то что, зря мы его сочиняли?» Но одно электронное послание сразу привлекло внимание Порри. Во-первых, оно было без обратного адреса, а значит, там наверняка прятался вирус. Во-вторых, письмо скакало по папке «Входящие», меняло цвет и тему сообщения, словом, вело себя крайне подозрительно. Судя по всему, вирус был сугубо магического свойства. Отметив про себя, что давно пора обновить антивирусные базы Каспера², Порри отправил письмо в корзину, но оно и тут повело себя неправильно: метнулось из стороны в сторону, увильнуло от курсора, затрепетало и внезапно раскрылось на весь экран.

Уже с первой строчки Порри понял, что все было напрасно: и ночи в мастерской, и бдение на яблоне.

**Уважаемый мистер Гаттер!
Школа волшебства Первертс
имеет честь...**

У Порри оставался последний шанс. Он быстро ткнул

---

² Электромагнитное привидение со спецэффектами.

пальцем кнопку выключателя. Ничего не случилось. Порри вырвал шнур из розетки. Экран продолжал самодовольно светиться. Пересилив себя, он применил последнее средство: взмахнул руками и прошептал: «*Чубабайс!*» – мощное заклинание, вырубаящее электроприборы в радиусе пяти километров. Проклятое письмо никуда не желало исчезать. Порри оглянулся. Так и есть – за спиной, явно довольные своей выдумкой, стояли родители.

– О! – неубедительно удивился отец. – Так тебя зовут в Первертс! Здорово! Помню, я очень радовался, когда получил такое приглашение.

– Да! – подхватила мама. – Далеко не все дети волшебников устаиваются такой чести!

– Поздравляю! – В комнате материализовалась Гингема (только ее здесь не хватало!) – Пять лет зубрежки, и сможешь делать как я! – Пятикурсница Первертса пролетела сквозь стену и вернулась обратно с Кисером в руках. Обои затрещали. Мама поморщилась. Кот весело посмотрел на младшего Гаттера и вдруг подмигнул.

– Вы! – закричал Порри. – Вы все подстроили! Вы обманули меня! Я все равно не поеду! Дядя Петрофф обещал устроить меня в техникум связи! А вы!

Порри шмыгнул носом, дал тумака сестрице (а пусть не дразнится «плаксо-кляксо»!) и выбежал из комнаты.

Родители растерянно посмотрели друг на друга. Монитор еще немного посветился, а потом медленно, словно уголек в

камине, угас.

– Ну, – подытожил отец, – во всяком случае, не придется платить за подбитых почтовых сов.

Наступил вечер. Порри сидел на яблоне, сжимал в руке верный арбалет и гордо тосковал. Родители по очереди выходили из дома и начинали успокоительные беседы, но все напрасно. Правильные слова – «Да ну его, этот Первертс, езжай, сынок, в техникум связи», – так и не были сказаны. Несколько раз вокруг дерева кружила на метле Гингема, пытаясь приободрить Порри – остроумными и дружескими, как она считала, подначками – но несчастное лицо брата в конце концов растопило и ее каменное сердце: сестра принесла кусок пирога и молча (!) улетела.

– Мряк, – раздалось из темноты под яблоней.

– Ну а тебе чего надо? – угрюмо спросил Порри.

– М-не? – ответил Кисер.

– Тебе! – разозлился мальчик.

– Н-ну, – неопределенно высказался кот и исчез в кустах.

Порри показалось, что напоследок Кисер хихикнул.

«Никто меня не понимает, – в сотый раз подумал Порри. – Никто меня не любит. Вот сейчас застрелюсь из арбалета, вот тогда будете знать». В воображении вновь возникла сладостная картина: он, в ярких лучах восходящего солнца, лежит на траве, бездыханный, с благородной дыркой от лазера во лбу, а вокруг рыдают убитые горем папа, мама, Кисер и, главное, Гингема. Порри вздохнул. Стреляться было глупо,

возвращаться домой противно, сидеть на яблоне и дальше – бесперспективно.

– Хррррауууу! – взревела улица. Порри подскочил, выронил арбалет и едва не свалился сам. Прямо на него несся огромный огненный шар. «Мордевольт вернулся», – успел подумать мальчик, обхватил ствол дерева и зажмурился.

– Так вот ты где! – пророкотал кто-то над самым ухом. – Хорошая позиция. Все зоны подлета сов простреливаются, гипогрифу³ тоже не проскочить, ну а дракон... ну, а что дракон? Если дракон, то все, полный крендель, тут уж никакая стратегия не поможет.

Если это и был Мордевольт, то какой-то очень странный. Порри приоткрыл один глаз. Рядом с деревом, громко фырча, колыхался огромный сверкающий мотоцикл, на котором восседал еле заметный среди леса хромированных деталей уморительно серьезный рокер.

– Харл, – представился он, – можно просто Харлей. Значит, желаешь ты науке-технике учиться, а предки ни в какую? Хотят заслать тебя в чудо-юдо-школу Первертс?

– Да! – воскликнул Порри, наконец-то встретивший человека, который его понимает. – И ведь зашлют! И что же делать?

– А ничего не делать, – спокойно сказал Харлей, – езжай в школу. Вот я все детство мечтал выучиться на пси-

---

³ Мифическое существо. На самом деле не существует, упоминается авторами ради красного слова.

хоаналитика⁴, а меня отправили в Первертс. И что ты думаешь? Теперь я преподаватель этой самой школы. И, ты думаешь, – преподаватель чего? Психоанализа? А вот и не угадал. Преподаватель хорошего-по-возможности-обращения-с-магическими-будь-они-неладны-животными, во как. Ну и что ты по этому поводу думаешь?

Понятно, что Порри не знал, что и думать, сбитый с толку алогичными построениями Харлея. Но удивительным образом рокер-преподаватель заочно ненавистного Первертса вернул ему беззаботность – качество, казалось, навсегда утраченное этим утром. «Да что я в самом деле! – сказал себе Порри. – Расхныкался, как девчонка. Первертс так Первертс, а там посмотрим. Вдруг меня отчислят за... за...»

– ... за профнепригодность, – закончил мысль мальчика Харлей. – И то дело. Меня вот, правда, так и не отчислили, и что, ты думаешь, я жалею? Жалею, конечно. А что делать. Как ты думаешь?

– А вы как думаете? – нашелся Порри. – Что делать?

– Свечи задувать. Подарки разворачивать. Пирог есть, – сказал Харлей. – А ты как думаешь?

Порри уже именно так и думал.

Запоздалый праздник оказался просто восхитительным. Под общее аханье были извлечены из коробок подарки: жилетка с переползающими карманами, сами себя обыгрыва-

---

⁴ Существование настоящих психоаналитиков также под большим вопросом.

ющие шахматы, шарики-пропадарики⁵, набор для конструирования привидений и – к радости Порри – настоящий (не волшебный!) мудловский ускоритель элементарных частиц. И хотя многокилометровый синхрофазотрон родителям пришлось упаковать в небольшой магический куб – дом Гаттеров все-таки не был безразмерным – о таком полигоне для экспериментов Порри не мог и мечтать.

И вот уже одиннадцать свечей задуты, и вся семья вместе с гостем уплетают пять раз разогретый, но все равно удивительно вкусный праздничный пирог. Харлей оказался школьным знакомым Гаттеров, и мальчик понял, что родители специально вызвали преподавателя-психолога, чтобы снять сына с дерева, но совершенно не обиделся – так ему было хорошо и уютно.

Взрослые договорились, что в следующую субботу, перед отправкой в Первертс, Харлей поможет Порри закупить все необходимое для учебы, и гость начал прощаться:

– Ну что ж, мне очень понравилось. А вы как думаете? Все-таки приятно вот так запросто зайти на семейный праздник. А что дела... А-а-а!

Харлей вскарабкался на стол и выпучил глаза на вошедшего Кисера.

– Мря, – сказал кот, глядя на Харлея, – Мря-Мря.

– Это ведь кот, – сказал преподаватель обращения с животными. – Это ведь настоящий живой кот.

---

⁵ Что это, выяснить не удалось.

– Кот, – подтвердил удивленный Порри.

– Но ведь это же зверь! Дик, Мэри, почему вы меня не предупредили, что у вас есть зверь?

– Но вы учите обращению с животными! – воскликнул мальчик. – И вы их... боитесь?!

– Я их до смерти боюсь, – сказал психоаналитик. – А что делать? А иначе как бы я мог саморефлексовать? Как ты думаешь?

Харлей нервно вспрыгнул на мотоцикл и строго посмотрел на Порри:

– Через неделю. Не опаздывать!

Он кивнул улыбающемуся Дику, слегка поклонился Мэри и Гинги, покосился на Кисера, газанул, пролетел через окно гостиной и скрылся в ночном небе.

– И не вздумай брать с собой зверя! – донесся до Гаттеров удаляющийся голос психоаналитика-любителя. – А если возьмешь... то что?.. А ты как думаешь?.. А что делать...

Кисер вскочил на подоконник и уставился вслед мотоциклу, разочарованно облизываясь.

– А звери, видишь, как его любят, – сказала Гингема, – причем все. И в Первертсе тоже, а там такие твари попадают! И как это у него получается, совершенно непонятно.

– А ты как думаешь, – счастливо пробормотал Порри, прижал к груди куб с ускорителем и мгновенно уснул.

Ему снились магические животные, которые гонялись за Харлеем по синхрофазотрону. Преподаватель мчался на сво-

ем мотоцикле все быстрее и быстрее и в конце концов, с криком «Я промежуточный дубль-вэ бозон! А что делать?» превратился в сову и улетел.

Глава 3. Дутый переулок

Порри Гаттер, одиннадцатилетний волшебник, шагал по незнакомой лондонской улице, напряженно размышляя над двумя важными проблемами. Первая – как правильно потратить деньги, выделенные на покупку учебных пособий. Вторая – как улизнуть от друга семьи Харлея, сопровождающего мальчика по просьбе его родителей. Подступиться к первой проблеме без решения второй было невозможно: преподаватель обращения с магическими животными безжалостно пресекал все попытки «заглянуть вон в тот магазин на секундочку».

– Ну и что, что Apple, – философски прокомментировал свой последний отказ Харлей. – Твоя мама (заметь, на третьем курсе я за ней ухаживал) сказала за тобой присмотреть, а зачем? Чтобы никаких мудловских покупок, особенно до-

рогих, а то – что?

– А то – что? – повторил Порри, провожая печальным взглядом витрину с новенькими Макинтошами.

– А то привыкнешь к красивой жизни, потом не отучишь. Вот вырастешь, или, скажем, Мэри смягчится... хотя это вряд ли. А что делать? А вот что мы сделаем. Расскажу-ка я тебе о Первертсе, все-таки тебе там учиться. Или не учиться... Тогда тем более...

Через несколько минут мальчик совершенно перестал дуться на преподавателя, увлеченный диковинной историей, щедро усыпанной риторическими «а что делать» и «а ты как думаешь». Оказалось, Первертс – самое старое в мире учебное заведение для детей волшебников. Конечно, французский Дежавютон, а в последние триста лет и русское Кочеврыжье, потрясая на конгрессах «неоспоримыми доказательствами», пытались заполучить звание первой в мире школы колдовства, но окончательное решение вопроса в беспрельдно консервативной Лиге магов ожидалось только лет через пятьсот.

Итак, тысячу лет назад на Большом Юбилейном шабаше встретились четыре мага-неудачника – два пожилых колдуна, которых никто не воспринимал всерьез, и две рассеянные ведьмы, вечно путавшие заклятье и проклятье и поэтому растерявшие всех клиентов. После ночи разнузданных удовольствий (бутылка пражского яичного ликера на четверых и игра в подкидного до утра) усталых магов осенила

сумасбродная идея. Ударив по рукам, они присмотрели заброшенный замок, кое-как его отремонтировали, разместили объявления в совиных рассылках («Первертс! Здесь ваших детей обучат наилучшим образом соглашайтесь что вам стоит хуже всяко не будет») и приготовились к очередному провалу. Однако через три дня к замку подскочил шотландский феодал-колдун, бросил свежее испеченным преподавателям тяжело звякнувший кошель, ссадил с коня дюжину разнокалиберных детишек, рывкнул: «Чтобы через год было столько же!» – и умчался восвояси – воевать с соседскими феодалами-мудлами.

Дела Первертса быстро пошли в гору. То ли плохие волшебники оказались хорошими учителями, то ли сказалось полное отсутствие конкуренции («Делиться с другими магическими умениями? Как неосмотрительно»), но вскоре число учеников перевалило за сотню, а денег стало столько, что четверка всерьез перессорилась. Первертс разделили на факультеты, между которыми началась ожесточенная борьба за учеников, показатели, гранты, фонды и спонсоров.

Через пару сотен лет основатели ушли на покой в астрал, строго наказав своим преемникам, чтобы «все оставалось как было». Единственное изменение, на которое удалось уломать первых преподавателей во время спиритических сеансов, – это введение должности ректора школы, призванного разруливать межфакультетские противоречия. Первым и пока единственным главой Первертса стал про-

фессор Бубльгум⁶, великий волшебник, по всей видимости, самый могучий маг в мире, – даже ужасный Мордевольт во время своей тирании обходил директорский кабинет стороной.

Ну а сами факультеты остались почти такими же, как и много веков назад:

Орлодерр⁷ считался самым продвинутым факультетом. Декан Орлодерра – Сюзан МакКанарейкл⁸ – всегда была чрезвычайно легкомысленной особой, а однажды стала причиной англо-бурской войны. С пеленок Сьюзи обожала интриги и интрижки. Несмотря на то, что со времен ее пеленок прошло три века, декан неизменно выглядела и чувствовала себя на девятнадцать лет, поскольку пользовалась омолаживающим эликсиром «Вечно молодой, вечно в приподнятом настроении». Выпускники Орлодерра могли забавы ради заколдовать корабль или деревню, а потом расколдовать (в душе они не злые), а потом опять заколдовать: Бермудский треугольник, Лохнесское чудовище и День Сурка – вот наиболее популярные шутки учеников Орлодерра, за которые факультет регулярно лишался сотни-другой баллов и проигрывал первенство школы.

Слезайблинн⁹, факультет для зубрил и отличников, был

---

⁶ В других переводах – Пиплкум.

⁷ В других переводах – Птицелапк.

⁸ В других переводах – Джоан Трясогузян.

⁹ В других переводах – Кудапреши.

извечным соперником Орлодерра. Возглавлял Слезайблинн профессор Югорус Лужж¹⁰, волшебник, помешанный на магии и искренне считавший, что делать что-либо обычными способами недостойно Хомо Магикус. Югорус был одержим идеей превратить всех мудлов в волшебников, но пока не добился ничего, кроме графа Калиостро, десятка диктаторов и полусотни начальников отделов снабжения. Ученики Слезайблинна не интересовались ничем, кроме магии, стремились во всем быть похожими на Югоруса и частенько становились жертвами хитроумных каверз студентов Орлодерра.

Наименее престижным факультетом Первертса являлся Чертекак¹¹. Вначале он имел гордое, красивое и очень длинное название, которое никто не мог запомнить. На вопрос «Как этот факультет называется?» все отвечали: «Черт его знает как», что в итоге сложилось в Чертекак, а оригинальное название не смогла вспомнить даже основавшая факультет ведьма. Декан Чертекака – главный тормоз школы, огромный и неуклюжий Развнедел¹² – был феноменально бестолковым волшебником, получившим пост декана только благодаря родственным связям с премьер-министром Тетралем Квадритом¹³. Выпускники Чертекака постоянно путали заклинания и ингредиенты, периодически вызывая глобаль-

---

¹⁰ В других переводах – Востокус Сырр, а иногда даже Западус Сушш.

¹¹ В других переводах – Фигзнат.

¹² В других переводах – Четыреждывмес.

¹³ И в других переводах так же.

ные катаклизмы. Вообще-то соорудить катаклизм считалось неплохим магическим достижением, но когда взрослый волшебник собирается полить свой садик в Йоркшире, а получается наводнение в Якутии, – согласитесь, это уже чересчур.

Гдетотаммер¹⁴, самый загадочный факультет школы, еще недавно скромно назывался Тутомыттор¹⁵. Двадцать лет назад напуганный Мордевольтом декан Тутомыттора заколдовал себя, свое имя и свой факультет так, чтобы Враг Волшебников их не нашел. Заклинание оказалось таким мощным, что с тех пор факультет не мог найти никто, а ученики и преподаватели Гдетотаммера приспособились ночевать в коридорах и подсобных помещениях Первертса. Собственно, никто до сих пор не смог найти и декана Гдетотаммера, равно как и произнести его имя. Из Гдетотаммера выходили пугливые и скрытные волшебники, магические способности которых оставались такой же загадкой, как и местонахождение четвертого факультета.

К концу рассказа Порри порядком устал, но не от новой информации, которая была действительно прелюбопытной, а от затянувшейся пешей прогулки, – на мотоцикле Харлея они не поехали по прозаической причине, сформулированной преподавателем коротко и емко: «Сопрут»¹⁶.

– Здорово! – воскликнул мальчик после слов: «Ну вот по-

---

¹⁴ В других переводах – Навернозаугл.

¹⁵ В других переводах – Давотжемыр.

¹⁶ В других переводах – «Там нет охраняемых платных стоянок».

ка и все о Первертсе на первое время тебе хватит вижу тебя что-то беспокоит». – Вот только я не знал, что дорога такой длинной окажется. Но ведь мы уже скоро придем, да?

– Мы, собственно, уже несколько раз пришли, – беззаботно ответил Харлей, – но тебе было так интересно, что я позволил себе сделать пару кругов. А что делать? Кстати, вот мы опять на месте. Видишь идеально замаскированный вход в заколдованный Дутый переулок – аванпост магии в обычном мире, как пишут в рекламных объявлениях местные продавцы?

Вход действительно был замаскирован идеально. Старательно заплеванный тупик, смятые пивные банки, побитая кирпичная стена, расписанная лозунгами: «Вест Хэм – чемпион!» и «Бей шотландцев – спасай Уэльс!» Но Порри ментально засек магический кодовый замок, открыть который смог бы самый распоследний мудл, прочитавший популярную брошюру «Изучаем колдовство за 24 часа»¹⁷. Будущий дипломированный волшебник открыл было рот, чтобы произнести соответствующее заклинание, но тут ему в голову пришла более интересная идея.

Пока Порри, забыв об усталости, рылся в рюкзаке, никуда не торопившийся Харлей продолжал говорить:

– Непосвященные видят обычный кирпич и ничего больше, но опытный маг вроде меня или тебя лет через восемь, в два счета откроет потайную дверь, которая надеж-

---

¹⁷ В других переводах – «Волшебство для чайников».

но закрывает наш колдовской мир от мудлов... Что я сказал? Мудлов? Вот это я зря. Запомни, малыш, если не хочешь иметь неприятности с правозащитниками, говори не «мудл», а «слабоволшебник». или, в крайнем случае, «лицо неколдовского происхождения»¹⁸...

К этому моменту Порри не только отыскал все ингредиенты, но и смешал их в нужной пропорции. Поэтому он довольно невежливо прервал Харлея:

– Кажется, я догадался, как открывается потайная дверь. Только давайте зайдем за угол.

Когда пыль, поднятая мощным направленным взрывом, немного осела, Гаттер двинулся вперед, сопровождаемый бормотанием преподавателя:

– Да что же это?! Да как же это?! Что это за заклинание такое?

– «Коктейль Молотова», – не вдаваясь в подробности, ответил юный специалист по взлому магических замков вместе с дверями.

– Коктейль, говоришь... – Харлей остановился. – Ну да, ведь Дик мне писал о твоих... хм. Н-да. А что делать? А вот что. Ты иди, а я тут подремонтирую и догоню. Минут через двадцать, – и он вытащил волшебную палочку.

Обрадованный мальчик («Покупки! Правильные покупки!») вбежал в пролом и тут же оказался в самом центре свирепого побоища. Маленькие лохматые человечки нещадно

---

¹⁸ В других переводах этого фрагмента вообще нет. Странно, правда?

колотили друг друга, пронзительно крича что-то совершенно несуразное.

– Ромуальд!.. – голосили дерущиеся. – Ромуальд, не лезь! Не лезь, я тебя прошу! Это не твое дело, понял! Ну Ромуальд же!..

От диких воплей у Порри заложило уши. Он пригнулся и попытался выбраться из драки, но не тут-то было. Несколько случайных, но весьма увесистых ударов вынудили его замереть на месте, прижав рюкзак к груди.

«Ну, все, – подумал бедняга, – кажется, я попал. Что же делать? А ты как ду...» И тут Порри вспомнил о взрослом сопровождающем, от которого он так удачно (но так не вовремя) отвязался.

– Харлей! – закричал мальчик.

В тот же миг мощный порыв ветра смел драчунов к стенке; коротышки мгновенно повскакивали с земли и продолжили потасовку, но уже на относительно безопасном расстоянии. Порри оглянулся и понял, что его только что провели. Невозмутимый Харл подбрасывал в руке остывающую палочку, а за его спиной возвышалась новенькая кирпичная стена.

– Обиделся, – констатировал психоаналитик-любитель, – определенно обиделся. А что делать? Прекрасно понимаю твою нелюбовь к магии и родительским наставлениям, но пришло время начать обуздывать подростковый нонконформизм.

– Что начать? – не понял Гаттер.

Харлей склонился к уху мальчика и таинственно прошептал:

– Используй то, что есть, а не то, что нравится¹⁹.

– О’кей, – легко согласился Порри, – 1:1. А кто эти хулиганы?

– Освобожденные домовые, – охотно объяснил Харлей, довольный быстрым разрешением конфликта с мальчиком, – печальные, но неизбежные последствия демократизации.

Только сейчас Порри заметил, что на каждом человечке висел или носок, или платок, или совсем уж интимный галантерейный предмет.

– А кто такой Ромуальд²⁰? Почему он лезет?

– А, это забавный феномен. Ромуальд – первый освобожденный домовый (произошло это, кстати, совершенно случайно), инициатор общественного движения за свободу кухонных рабочих. Дело Ромуальда имело колоссальный резонанс, и за несколько лет практически все домовые, за исключением самых дремучих или глуховатых, добились от хозяев бросания в слугу предметом одежды и автоматического освобождения. А что делать? Но дальше все пошло наперекосяк. Свободным домовым оказались абсолютно чужды идеи овладения хорошей профессией и вхождения в общество, и они, не зная, чем заняться, принялись воровать, по-

---

¹⁹ В других переводах – «Сублимация суперэго очень резистентна по отношению к коллективному бессознательному».

²⁰ В других переводах – Мартин Лютер Кинг.

прошайничать, слушать рэп, ну а в основном, как ты думаешь? правильно – драться. Поначалу Ромуальд пытался их разнимать, домовые кричали: «Ромуальд, не лезь!», потом первый освобожденный разочаровался в собратях и теперь служит домашним секретарем у Квадрита. Ну а домовые во время драк по-прежнему отгоняют своего отсутствующего вождя, то ли на всякий случай, то ли по привычке. Кстати, нам пора идти, ребятки устали колотить друг друга и сейчас начнут попрошайничать.

И правда, украшенные разноцветными синяками домовые один за другими потянулись к собеседникам, протягивая мохнатые ладони и ноя: «Освободите нас, пожалуйста, кто чем может...»

Порри и Харлей торопливо покинули тупик и оказались на забитой магазинами, ларьками и палатками улочке. Да, в Дутом переулке было на что посмотреть. Пестрые витрины сияли огнями святого Эльма; над тротуарами колыхались накачанные гелием недорогие привидения; болотные огоньки, русалки, сирены и Летучие Голландцы заманивали покупателей на распродажи; миниатюрные эльфы и феи то и дело выстраивались в рекламные объявления: «Если ты реальный маг, посети универМАГ!», «Колдуй, баба, колдуй, дед, с зубной пастой “Блендамед”» и, наконец, «Карта “Магистро” надежно защитит ваши деньги от черной магии и гиперинфляции!»

Тут Порри вспомнил, что у него в потайном кармашке ле-

жат три пластиковые карточки «Визард», пин-коды к которым он расколдовал на прошлой неделе. По его подсчетам, если сложить законные отцовские фунты и суммы на карточках, денег не только хватит на учебники и школьную магическую утварь, но еще останется заначка на действительно необходимые вещи: новый процессор, модем и монитор.

– А где здесь можно получить наличку с... э-э-э... родительских карточек? – осторожно спросил Порри.

– Лучше всего в банке «Хренвотс». Это самый надежный банк. Тройная проверка всех транзакций! – торжественно произнес Харлей и поволок мальчика за собой.

– Э-э-э... М-м-м... Тройная проверка? А нельзя там как-нибудь договориться, чтобы не тройная? Или, скажем, совсем без проверки? А то я спешу...

– Договориться?! Ты что? Там же гоблины! – Харлей остановился и побледнел. – Это, брат, такие существа... Брр! С ними не то что договориться, с ними и говорить-то... Я бы не рисковал на твоём месте... Да и на своём тоже...

Харлей обессиленно прислонился к стене:

– Хотя, если ты спешишь... Можно и в магомате обналичить. Магоматы они... не такие опасные.

Через пять минут в карманы Порри перекочевала увесистая пачка гринов и косых, а также горсть мелких деревянных штук. Немного оклемавшийся Харлей тут же затолкал его в книжную лавку и заставил приобрести все необходимые учебники, ежесекундно сверяясь со списком. К счастью,

вскоре в магазин зашла эффектная дама с симпатичным драконодавчиком на поводке. Харлей посерел и пулей вылетел на улицу. Воспользовавшись случаем, Порри докупил дюжину комиксов с многообещающими надписями: «Не раскрывать вблизи открытых источников огня» и «Просмотр разрешен только лицам, прошедшим начальную военную подготовку». Это обошлось ему в несколько косых дополнительно.

Когда довольный Порри вышел из лавки, Харлея на улице не оказалось, зато прямо перед мальчиком вырос ларек с табличкой: «Гадание 100 %». В ларьке маячил нелепого вида смуглый мужчина в мятом фиолетовом балахоне.

– Курсопервик! – воскликнул «Балахон», завидев мальчика, – купиешь поделки? А пуставки полупривые. Чхоешь убудить видущее?

– «Курсопервик»? – Порри ошалело посмотрел на мужчину и вдруг сообразил: – В смысле «первокурсник»? «Купишь по»... «Делаешь покупки... э-э-э... а прилавки полупустые... хочешь увидеть будущее». Да?

Иммигрант замотал головой: сначала слева направо, потом, спохватившись, сверху вниз.

– Шту двеки! И убудишь! Дагание про стоцентов!

– Две штуки? Идет.

Гадальщик схватил протянутую мальчиком мелочь.

– Ста тынешь Норолем Корвегии, – выпалил он и отвернулся.

– «Ты станешь Королем Норвегии», – перевел Порри. –

Я? Это правда?

– Чме шут не чертит, – равнодушно пожал плечами «Балахон».

– Узнал будущее? – насмешливо произнес из-за плеча Харлей.

– Это надувательство! – возмутился Порри.

– Ну, это все-таки не Букингемский дворец, а Дутый переулочек. Дутый от слова... ну, ты понял. А в данном случае все сделано чисто. «Гадание 100 %» означает наугад, то есть от балды, что и было проделано. А ты как думаешь? Пойдем-ка лучше за метлой.

Ни Порри, ни Харлей не заметили, что как только они повернулись спиной к ловкому иммигранту, тот мгновенно превратил ларек в кулек с семечками, а мрачный балахон – в разгильдяйские майку и шорты. Кожа лжегадальщика стала розовой, волосы – рыжими, сам он подрос на полголовы и, поплеывая шелухой, двинулся следом.

В магазине метел, к общему удивлению, Порри приобрел не хит сезона «Ферраримагнетик-2002» и даже не стандартное средство передвижения экономического класса «Ступабеккер-1970», а тяжелую и громоздкую «Помело-1631» русского производства. «Надо экономить», – объяснил озадаченным продавцу и Харлею свой выбор юный покупатель и незаметно усмехнулся. Не объяснять же преподу, что «Помело» (конверсионная продукция) гораздо лучше приспособлено для установки реактивных двигателей и системы элект-

тронного зажигания. «Раз уж вы так хотите, чтобы я летал на метле – ладно. Но это будет моя метла!» – злорадно думал Порри.

В конце концов все пункты списка покупок были вычеркнуты, за исключением последнего, самого важного – «волшебная палочка».

– Что-то я не могу припомнить, – озабоченно сказал Харлей, вертя головой, – все так изменилось за последние сто сорок лет. Сэр! – обратился он к проходившему мимо рыжему бездельнику с семечками. – Не знаете, где сейчас находится магазин волшебных палочек?

– Как же не знать, – ответил явно польщенный «сэр», – знаю. Даже могу проводить, – он остановился и хитро посмотрел на покупателей. – Ну что, пошли?

– Пошли, – хором ответили Порри и Харлей.

– Ну пошли. Вот я такой, сказал: «пошли» и сразу пошел. Я такой. Как что скажу, так и сделаю. Пошли, так пошли, какие разговоры. А то некоторым только бы поболтать, а как до дела, так от них не дождешься. А я-то не такой. Я-то, знаете, какой? Я как скажу, так сразу и сделаю. – На протяжении всего монолога «сэр» не сдвинулся с места.

– Кажется, я вспомнил, – торопливо сказал Харлей. – Спасибо большое, мы сами доберемся.

– Какие проблемы, – живо отозвался рыжий бездельник. – Ну а если что, обращайтесь. Я ведь такой...

Когда Харлей и Порри скрылись за углом, с их бесед-

ником произошла удивительная метаморфоза. Он съезжился, похудел, кулек превратился в монокль, рыжая шевелюра – в черный пробор, шорты и майка – в смокинг, а потрепанные кеды – в лакированные туфли. Завершив преобразования, загадочный человек потрусил в противоположную сторону.

Палочный магазин Порри понравился. Во-первых, клиентов запускали по одному, и Харлею волей-неволей пришлось ждать снаружи, где он тут же завел профессиональную беседу с незнакомцем в смокинге. Во-вторых, на пороге мальчика уже ждал хозяин, восторженный старичок, восклицавший: «Наконец-то! Наконец-то я увидел вас, мистер Гаттер! Как вы этого Мордевольтишку! Хе-хе-хе».

В результате Порри с легким сердцем согласился заполнить кучу бланков и опросных листов. Хотя некоторые вопросы и ставили его в тупик (например: «А смысл?», «Как вы оцениваете положительное влияние демократических реформ?» или «Не возражаете же Вы против ежедневного восхода солнца, с чего бы это?»), «мистер Гаттер» очень быстро заполнил все пункты, написав первое, что пришло в голову. Порри было абсолютно все равно, какой именно палочкой не пользоваться.

Когда продавец начал просматривать анкеты, Порри на мгновение стало стыдно: на лице старичка явно читалось: «Такой ахинеи я в жизни не видел!» Тем не менее владелец магазина вежливо приговаривал:

– Так. Так. Очень интересно. Очень... необычно. О... ну

это вообще... очень.

Выполняя свой долг до конца, продавец волшебных палочек старательно делал пометки и расставлял закорючки в специальной таблице. Еще несколько секунд ушло на обработку результатов, и когда она завершилась, старичок выглядел по-настоящему ошарашенным.

– Во, блин! – пробормотал он. – В смысле, потрясающе!

– Для меня не нашлось подходящей палки? – с надеждой поинтересовался Порри, прикидывая, как он потратит сэкономленные деньги.

– Не то чтобы совсем не нашлось... Но она это... Короче... Вернее, длиннее... Едрена корень... То есть, из едрена корня тоже есть, но вам подойдет только бамбуковая, – и смущенный продавец шмякнул на прилавок товар. – Вот эта.

– Обалдеть! – только и смог выдохнуть из себя Порри.

Палочка тут же отозвалась красивой фиолетовой искрой.

– Вот видите, – сказал старичок, потирая ушибленную макушку, – и она вас признала. А я уж думал, никому ее не втюх... То есть она никогда не найдет нового хозяина.

– Беру! – решительно заявил Порри и полез за деньгами.

Это была палочка-мечта: легкая, толстая и пустая. Внутри такой штуки можно было запросто спрятать не только банальный электрошокер, но и достаточно мощный лазер, радиопередатчик, да вообще массу полезных приспособлений.

Уже расплатившись, Порри вспомнил окончание фразы продавца.

– Вы сказали «нового хозяина»? То есть вы содрали с меня сорок пять гринов за б/у?

– Она совершенно новая! – запротестовал владелец магазина. – Мордевольт успел только заказать ее!

– Мордевольт?!

– Ну и что? Между прочим, весьма выдающийся маг! Был. И вообще, у меня переучет. И обед. Попрошу очистить!

И бодрый старик вытолкал Порри из магазина.

– Готово? – спросил его Харлей. Мальчик кивнул. Харлей сделал рукой замысловатое движение, и из-за поворота выкатился мотоцикл. – Поздно уже, – объяснил он, – а тебе завтра в семь сорок на поезд.

Преподаватель забросил покупки в ящик на багажнике, посадил Порри, раскланялся с джентльменом в смокинге, и мотоцикл взмыл в темнеющее небо.

Джентльмен задумчиво посмотрел на дверь палочного магазина, что-то черкнул в блокнотике и... превратился в маленького лохматого человечка с приклеенным к плечу полосатым носком.

– Ромуальд! – тоненько завопил он.

– Ромуальд, не лезь! – отозвалось сразу несколько голосов.

Откуда-то из подворотни вынырнул освобожденный домовый, за ним второй, третий... Через минуту перед магазином волшебных палочек полным ходом шла драка, а над улицей неслась многоголосая просьба к Ромуальду не лезть

не в свое дело...²¹

---

²¹ В других переводах из-за угла выходит Мартин Лютер Кинг, и просветленные домовые строем идут в библиотеку. Драка начинается уже в читальном зале.

Глава 4. Перрон 3,14159

На перроне 3,14159 было многолюдно и шумно: гремели невидимые оркестры, толпились охающие и ахающие мамочки, явно тосковали отцы, носилась малышня, призывно скалились мумифицированные проводницы в голубой униформе. Пожилые сирены хриплыми голосами долдонили, что номера вагонов начинаются изнутри поезда. То там, то сям мелькала унылая физиономия духа Анны Карениной с вечным русским вопросом, не видел ли кто машиниста маршрута «Москва – Петербург».

Порри Гаттер уже не раз бывал здесь, когда провожали и встречали Гинги, и все равно поражался суете и бестолковости, которая царила на перроне. Он никак не мог взять

в толк, зачем из обычного отправления школьного поезда устраивать целое представление.

Единственное, что всегда его развлекало, это один-два заблудившихся мудла, которые каждый год непостижимым образом просачивались через магический барьер. Эти несчастные создания быстро теряли голову, начинали шарахаться от почтовых летучих мышей, добродушных носильщиков-троллей и абсолютно безвредных призрачных машинистов и вскоре дурели настолько, что обращались за советом не к взрослым колдунам, а к их детям.

Это была очень, очень плохая идея.

Если взрослые, как правило, входили в положение и, давясь от смеха, выводили бедолаг наружу, то детки отрывались на полную катушку. Вот и сейчас Порри увидел сценку, которая обещала хорошее развлечение: пожилой мудл, судя по всему, клерк, пытался выяснить подробности происходящего у огненно-рыжей девчонки.

Мама Порри любила рассказывать, что ведьмы должны быть только рыжими, но чистая кровь теперь встречается редко... В этом месте она делала многозначительную паузу и, если собеседник не приступал к комплиментам, начинала рассеянно накручивать на палец прядку своих образцово-рыжих волос. Но, во-первых, Порри знал, сколько хны закупала мамочка при каждом посещении аптеки, а во-вторых, рыжесть миссис Гаттер не шла ни в какое сравнение с цветом шевелюры юной ведьмочки, которая добросовестно втирала

что-то вконец расклеившемся мудлу.

Порри оглянулся. Мама увлеченно обсуждала с парочкой престарелых колдуний новое зелье от морщин, папа приклеился к киоску со спортивными журналами, старшая сестра надменно выслушивала славословия свежих поклонников. Момент для побега в техникум связи был идеальным. Но мальчик не хотел слишком уж сильно огорчать родителей и поэтому ограничился тем, что сделал десяток шагов и оказался за спиной попавшего в переплет мудла.

Девчонка, не мигая, смотрела пожилому клерку в глаза и вещала неживым голосом:

– Мы есть сверхцивилизация из созвездия Беты Лебедя. Мы отобрали вас для проведения некоторых бесчеловечных экспериментов.

– Да? – блеял мудл. – А почему именно нас?..

– Некоторые эксперименты запрещено ставить на разумных существах, поэтому нам и понадобились вы.

– А мы же тоже... вроде как... разумные...

У Порри от беззвучного смеха так свело живот, что ему пришлось присесть, зажимая рот обеими руками. Но девчонка держалась великолепно:

– По сравнению с истинным разумом, вы – меньше, чем животные.

Ведьмочка величаво подняла руку и произнесла:

– *Кузуанцо бельмес ториано!*

Оранжевый рюкзачок тут же послушно прыгнул ей в руку.

У клерка отвалилась челюсть, а Порри одобрительно хмыкнул. Вообще-то заклинание было пустяковым, его умел проделывать любой малолетка. Надо было только немного подрессировать рюкзак, да следить за тем, чтобы он не устроил свары с соседями и не увязался за какой-нибудь дамской сумочкой. Но проделано все было очень эффектно. Порри даже не сразу сообразил, в какое место заклинания упрятана команда «место». Пришлось еще раз повторить про себя. Ловко! Порри украдкой показал девчонке большой палец. Она никак не среагировала. Она развлекалась вовсю.

– Но... Э-э... – сделал еще одну попытку спастись клерк. – Дело в том, что, уважаемая... Э-э-э...

– Зовите меня моим простым именем – Мергиппопотинадианона, – милостиво разрешила рыжая представительница сверхцивилизации.

– Хорошо, я буду, – промямлил мудл. – Но мне очень нужно отсюда выбраться! У меня дети... пять, нет, шесть... и собрание акционеров...

Мергиппопотинадианона смерила собеседника таким взглядом, что он наполовину уменьшился в объеме.

– Ну что ж. Вы, пожалуй, пока не готовы. Чтобы покинуть данную область пространства, вы должны определить соотношение периметров круга и квадрата равной площади и произнести его вслух. Три раза²².

Порри мысленно сказал: «Вау!», а мудл обреченно опу-

---

²² Авторы пробовали. Пару раз получилось.

стил руки. Похоже, он понял, что бесчеловечные сверхцивилизации так просто никого не отпускают.

– Мерги! – зазвенел над ухом мальчика пронзительный женский голос. – Ты опять за свое? Мистер, не слушайте ее. Вы, видимо, здесь случайно?

Участники комедии разом обернулись на звук. Возле них стояла немного увеличенная копия Мергиппопотинадианоны – такая же беззастенчиво-рыжая и худая.

– Да! Случайно! – обрадовался мудл. – Я не знал, что здесь ваша сверхцивилизация с Беты... или Гаммы... ой, я забыл...

Мудл испугано повернулся за помощью к Мергиппопотинадианоне, но та выглядела уже не представительницей сверхразума, а обычной одиннадцатилетней хулиганкой, которую мама поймала с поличным.

– Господи! Какие еще сверхцивилизации! Что за фантазии? – всплеснула руками старшая из рыжих колдуний.

– Но я же сам видел! Летающие рюкзаки! А еще люди из воздуха, прозрачные существа... и... и... – Перед лицом мудла появилась и исчезла наглая кошачья улыбка, и почтенный отец семейства определенно собрался разреветься в три ручья.

– Мистер! Ну что вы как маленький! Это же обычное колдовство. Ну колдовство, понимаете? Магия, волшебство, заклинания, проклятия, привороты, ничего особенного. Боже, до чего народ темный пошел! Ладно, проехали. Если хотите

отсюда выбраться, просто произнесите...

– Да, я знаю... Соотношение квадрата и круга... Или круга и квадрата...

– Это вам девчонка наплела? Ну, я с ней разберусь! Просто скажите три раза подряд: «Пи».

Мудл уже ничему не удивлялся.

– Пи-пи-пи, – покорно проговорил он и исчез.

Мамаша тут же развернулась к дочке с намерением устроить хорошую взбучку, но та успела спросить невинным голоском:

– Мамочка, а зачем ты заставила его сказать «пи-пи-пи»?

– Ну не могла же я отпустить его просто так! – сварливо ответила мама.

Несколько секунд они с дочкой смотрели друг на друга, после чего залились радостным смехом. Хохотали долго, пока из глаз не полетели слезинки, которые превращались в маленьких летающих крокодильчиков. Порри это очень понравилось.

Когда рыжая парочка насмеялась вдоволь и мама ушла, строгим голосом приказав не шалить, Порри поинтересовался:

– А тебя правда зовут Мергидиппогипо?.. Здорово ты этого мудла. И мамаша у тебя что надо!

Девчонка окинула его быстрым взглядом и, видимо, решила, что на сегодня развлечений достаточно. Кроме того, ей явно понравился комплимент мамаше.

– Вообще-то меня зовут Мергиона Пейджер, но я предпочитаю просто Мерги.

– А я Порри.

Порри сделал паузу, ожидая обязательных в таких случаях круглых глаз и причитаний, но Мерги и ухом не повела. Пришлось уточнить:

– Гаттер. Порри Гаттер.

Никакого эффекта. Порри стало даже как-то обидно.

– Тот самый Порри Гаттер! – объяснил он страшным голосом.

Мерги сморщила лоб, якобы что-то припоминая.

– А-а-а, – протянула она, – это которого в детстве Морде-вольт по башке шарахнул?

Порри нахмурился. С такой точки зрения его историю еще никто не рассматривал. Он собрался объяснить вздорной девчонке, что к чему, но увидел прищуренные ярко-зеленые глаза и понял, как с ней бороться.

– Ага, – согласился он, – видишь, под глазом знак остался. На всю жизнь. (На самом деле фингал Порри накануне поставила любимая сестричка за то, что он полез читать какие-то особенно тайные записи в ее дневнике.)

По задумчивому лицу девчонки Порри понял, что финт удался.

– Ух ты! – сказала Мерги. – А потрогать можно?

– Нет, что ты! – отшатнулся от нее Порри. – Тогда и на тебя ляжет мое проклятие! У тебя на ногах вырастут густые

черные волосы!

Порри с удовлетворением отметил, что Мерги отдернула руку с неподдельным ужасом. Правда, она тут же заметила свою оплошность и исправила положение:

– Я просто боялась, что к моей рыжей шерсти на ногах добавится еще и твоя черная. Фу! Как некрасиво!

Порри открыл было рот, чтобы продолжить игру, но в этот момент в беседу вмешался третий (лишний, разумеется).

– Как романтично, – произнес аккуратно причесанный черноволосый мальчик в дорогой лиловой мантии и пижонских тонких очках. – Судя по теме беседы, вы только что познакомились.

– А тебе что за дело, – буркнул покрасневший Порри.

– Строго говоря, никакого, – ответил нахальный красавчик. – И что с того? Разрешите представиться. Аесли. Сен Аесли. А чтобы сразу внести ясность, Сен Аесли из семьи Аесли. К вашим услугам.

«Аесли? Это, что ли, сын Аесли из Департамента Затуманивания? – изумился Порри, неоднократно слышавший нелицеприятные высказывания своего отца о руководителе конкурирующего ведомства. – Это он что, хвастается своим происхождением? "К вашим услугам"! Не было бы здесь девчонки, он бы у меня уже получил пару услуг по шее».

Сен посмотрел на молчащих собеседников и отчетливо подавил зевок.

– Если вы взволнованы, можете не отвечать. Ваши имена

я уже слышал. Так что don't worry, mister Porry.

Пауза затянулась. Мерги внимательно разглядывала наглеца, Порри лихорадочно искал обидную рифму к слову Аесли.

– Надеюсь, вы в курсе, во сколько отправляется поезд? – спросил Сен, абсолютно не смущенный неловкой ситуацией. – Нет? Неудивительно. Придется позвонить в диспетчерскую по магильнику.

– Могильнику?! – вырвалось у Порри.

– Не мОгильнику, а мАгильнику, – строго поправил его Аесли («Тресни – кресле – мюсли – сусли», – пронеслось в голове Порри), извлекая из складок мантии стильное зеркальце с перламутровой ручкой и полупрозрачной пластиковой крышкой. – Это мой магильный телефон. По нему можно связаться с любым магом на свете, – он покосился на Порри и Мерги. – Если, конечно, у него тоже есть магильник. Смотрите.

Сен Аесли торжественно вздохнул, поводит бровями и произнес:

– Свет мой, зеркальце, скажи...

– Ничего я тебе не скажу! – грубо прервало его зеркальце надтреснутым голосом. – Ты уже два дня как израсходовал предоплату. Заплатишь, тогда и поговорим.

Аесли захлопнул крышку.

– Старая модель, – не моргнув глазом пояснил он, – никак не соберусь поменять.

И тут Порри озарило:
Сочиняли люди песню
Про великого Аесли,
Сочиняли, сочиняли...

Порри запнулся. Замечательная строчка, которая должна была уничтожить мистера Выходку, вылетела из головы. Сен вздохнул и пришел на помощь:

– Так и не зарифмовали²³.

Мерги хрюкнула. Порри испуганно посмотрел на нее, но девочка отвернулась, хрюкнула еще раз, еще, и вот уже стаи крылатых крокодилчиков запорхали над перроном.

– Отлично, Аесли! – проговорила Мерги, вытирая слезы. – Наш человек!

Сен (наконец-то!) залился краской, и Порри моментально проникся к нему симпатией.

– Мальчики, – торжественно сказала Мерги, – вы друг друга стоите. Один – Гаттер, другой – Аесли... Ой, я не могу... Немедленно пожмите друг другу руки и считайте себя принятыми в узкий круг друзей Мергионы Пейджер.

– Ну ладно, – проворчал Порри, пожимая ладонь Сена. – Только больше выпендриваться не надо.

– Выпендриваться надо! – радостно воскликнул Аесли. – Только выпендриваясь, мы постигаем богатейшие потенциальные возможности, дарованные нам природой...

– Ой, на кого ж нас покидает скорый поезд № 13613! –

---

²³ Перевод с англоязычного Евг. Бор. Пастернак.

вдруг заголосили проводницы. – Отъезжающим занять места! Провожаящим покинуть! Поезд отправляется через двенадцать секунд! Восемь секунд! Четыре секунды!..

Толпа, как по мановению волшебной палочки, разделась на родителей и детей. Первые устроили давку на выходе из перрона, вторые набросились на состав. Вагоны закачались. В обстановке, максимально приближенной к штурму Бастилии стадом бешеных слонов, попасть в одно купе удалось только благодаря Аесли, который распугал конкурентов грозными фразами: «Министерство Затуманивания! Отдел зачистки! Предъявите документы!»

– Чур, я на верхней полке! – заявила Мерги. Спорить было трудно – эту фразу девочка произнесла уже с верхней полки.

Она сбросила на столик корзинку с нечерствеющими бубликами.

– Семейная реликвия, – пояснила Пейджер, – с ними еще моя бабушка ездила в Первертс. Угощайтесь.

– Звучит заманчиво, – заметил Аесли. – Одно меня беспокоит. Нас трое, а в купе мест...

– Привет, первачки! Вижу, у вас для меня местечко припасено, – дверной проем заполнил здоровяк со значком «IV курс, а не какой-то там первогодок». – А? Не слышу?

– Здесь занято! – вякнул Порри, с трудом сдержав дрожь в коленках.

– Нас четверо, уважаемый, – надменно произнес Аесли, – наш попутчик вышел... э-э-э... попрощаться с духом дедуш-

ки.

– Да? – сощурился громила. – А мне сдается, что «уважаемые» решили меня провести. Ай-яй-яй, как нехорошо...

Пустая верхняя полка затрещала, и на ней появилась увеличенная копия четверокурсника с увесистым значком «XIV курс. Второй год».

– Кто такой? – прохрипела копия, мутно глядя на дверь. – Почему вошел? Какого...

Отвечать уже было некому. «Второгодник» уронил голову и мгновенно захрапел. Сверху хихикнула Мерги.

– Уф! – Сен вытер рукавом лоб. – Обошлось. Драка с этим гоблином была бы смелым, но глупым поступком. Спасибо, Мерги. Где ты научилась таких дублей ваять?

– У мамы. Когда ей нужно успеть одновременно к массажистке, парикмахеру, маникюру и портнихе...

– Что пить будете? – зашуршала папирусом заглянувшая в купе проводница-мумия. – У нас большой выбор. Вода болотная, вода ржавая, вода гнилая, вода тухлая, вода железно-дорожная, с песком, ряской, илом, пиявками, личинками мух, газированная метаном, бутаном, пропаном, сероводородом, хлором, горячая тина, глина со льдом, коктейль «Трясина» и, наконец, фирменный напиток – «Жижа».

Мерги уже открыла рот, собираясь расспросить про ингредиенты фирменного напитка²⁴, но Порри ее опередил:

---

²⁴ Может, оно и к лучшему, что Мергиона не успела это сделать – в фирменном напитке «Жижа» только один ингредиент.

– Принесите, пожалуйста, кока-колы.

Проводница вытаращила пустые глазницы.

– Ну тогда можно просто пепси. И пепси нет? Спрайт, фанта, квас? Севен-ап? Мадам, вы в каком веке живете?

Дверь с грохотом захлопнулась.

– Ты бы еще чизбургер заказал, – мрачно сказал Сен. – В Первертсе с такими штучками ты не удержишься.

– А я и не собираюсь задерживаться. Я надеюсь, меня вообще не примут, а если примут, то быстро отчислят. И я поеду в техникум связи! Правда, здорово?

– Да-а-а, – протянула Пейджер. – Все-таки крепко тебя В.В. приложил.

– Да что вы все привязались к Мордевольту! – воскликнул Порри. – Мордевольт, между прочим, был круче всех волшебников! Да он своими штучками...

– Гаттер, остановись, – очень серьезно сказал Аесли.

Порри замолчал, достал увесистое пособие по взрывчатым веществам (мудловским, разумеется, никакой магии, только пироксилин, гексоген, бертолетова соль и селитра) и углубился в чтение. Мерги прыгнула с верхней полки, и юные сторонники магии принялись столь же демонстративно снимать порчу с магильника.

Волшебный школьный поезд пулей промчал пол-Англии, после чего наглухо застрял под Дарлингтоном, пропуская товарняк с демонами. С каждым часом вынужденной стоянки выражение лица Гаттера становилось все более язвитель-

ным, физиономии же Мерги и Сена мрачнели. Тишину нарушал только утробный храп дубля с верхней полки.

За окном уже начало темнеть, когда последний пахнувший серой вагон уполз в туннель, и школьный поезд рванулся с места.

– О, скоро приедем! – оживилась Мерги. – Ура. Сейчас кончатся рель...

Железнодорожное полотно исчезло, и поезд весело заскакал по кочкам. По составу прокатился дробный стук макушек пассажиров о верхние полки.

– Кто такие?! – сверху на троицу уставилась заплывшая рожой разбуженного «четырнадцатикурсника». – Почему здесь? Кто пустил? Ух, кулаки чешутся...

– Мергиона, – заволновался Аесли, – надеюсь, ты владеешь ситуацией.

– Я тоже надеюсь... – проговорила Мерги, широко раскрытыми глазами глядя на свое творение. – Что за черт! Он не должен был проснуться! *Баю-краю-волчок-бочок!* (Дубль крикнул и схватился за бок.) Нет, не то... *Пойди-туда-не-знаю-куда!* (Дубль задумался и злобно зарычал.) Тоже не действует... Осталось последнее средство...

Пейджер взмахнула рукой, крикнула: «*Жало-сало-исчезало!*» и громилу окутал рой зеленоватых колючек. Но вместо того, чтобы исчезнуть, гигант заревел, замахал ручищами и грохнулся чудовищной кучей перед дверью купе, перекрыв дорогу к бегству.

– Он жив? – прошептал побелевший Порри.

– Не то чтобы жив, – севшим голосом ответила Мерги, – это же дубль. Но прибить нас вполне может. Проклятье! Он же не фантом, он как обычный человек... только очень тупой. Если бы я уже освоила волшебную палочку, я бы, конечно, справилась...

«Второгодник» зашевелился.

– Окно! – сообразил Порри.

Троица бросилась к раме и начала ее дергать. Тщетно. Через минуту Аесли выругался и кивнул на пентаграмму на оконном стекле, окруженную несокрушимыми белыми буквами: «Закрыто на зиму».

Тем временем дубль начал подниматься, мотая башкой из стороны в сторону.

– Задушу. Раздавлю. Растопчу. Разорву, – рычал монстр. – Сожру мелюзгу.

– Мамочка! – закричала Мергиона. – Мальчики, сделайте что-нибудь!

– Действительно, Гаттер! – подхватил Сен. – Что ты стоишь?

Порри опешил и начал лихорадочно перебирать походящие к случаю заклинания: *В-лужу-прыг-носки-сухие*, *Это-не-я-она-сама-разбилась* и *Елочка-зажгись*. «Что же я надедел? – с ужасом подумал мальчик. – На что я потратил годы? На какие-то устрой... устрой...»

Дубль занес пудовый кулак, и в тот же миг струя блестя-

щей жидкости намертво приклеила руку громилы к плечу. Порри поднялся с пола, держа в одной руке распотрошенный рюкзак, а в другой – диковинное приспособление, напоминающее старинный маузер, и несколько раз нажал на спуск. Сверкающие ленты охватили верхнюю половину чудовищного туловища. Обездвиженный «четырнадцатикурсник» замер, недоуменно пыхтя.

Гаттер повернулся к друзьям.

Сен по-прежнему стоял, мужественно зажмурившись, а Мергиона уже выглядывала из-за его плеча.

– Мое... Мое изобретение, – Порри потрянул рукой, и «маузер» шлепнулся на пол. – Клеемет-7. Стреляет смесью из бустилата, силиката, скотча, обойного клея, ПВА, БФ-6 и жвачки. Фиксирует что угодно в любом положении. Жаль только, оружие одноразовое... Ствол склеивается, и все...

– Уже все? – приоткрыл один глаз сын главы Департамента Затуманивания. Внимательно изучив обстановку, он судорожно вздохнул и открыл второй глаз. – Ты можешь в следующий раз сообщать побыстрее?

Мерги ничего не сказала, а только выбралась из-за Сена и быстро чмокнула Порри в щеку.

– Провожающие, – продребезжала проводница в динамике, – если вы еще не освободили вагоны, это уже ваши проблемы.

Поезд остановился и рассыпался в пыль. Порри, Сен и Мерги приземлились на мокрую холодную траву вместе с

сотнями разнокурсников школы волшебства. Позади брякнулся нейтрализованный дубль.

Вокруг было катастрофически темно. Правда, где-то далеко впереди тускло светилось что-то похожее на башни замка, но вскоре оказалось, что такие же призрачные огни виднеются со всех сторон. Куда идти и что вообще делать, было совершенно непонятно.

– Добро пожаловать, дорогие новоприбывшие, прибывшие, прибывшие, – над пассажирами сгнувшегося поезда появился карамельный шар, внутри которого восседала смазливая дамочка. – Я Сьюзан МакКанарейкл, декан Орлодера, очень приятно, поздравляю.

– Нам повезло, – шепнул Сен. – Прошлогодний призыв бродил по окрестностям двое суток, пока их не выловили и не доставили в Первертс кентавры. Кстати, выловили не всех, некоторые одичали.

– А что делать с нашим другом? – Порри кивнул на маячившего позади дубля.

– Оставлять его здесь нельзя, – озабоченно сказала Мерги. – Могут быть жертвы.

– Утопим в пруду? – предложил Сен.

– Рыбу сожрет, воду выпьет, – Мерги подергала себя за ухо. – Возьмем пока с собой, а там видно будет. – Гигант с готовностью кивнул головой (ничем другим пошевелить он не мог) и преданно уставился на Пейджер.

– Ну что, несмышлениши, приступим? – спросила сверху

МакКанарейкл. – Сегодня я в хорошем настроении, поэтому все будет почти просто. Марш-бросок пять миль, потом на паром, небольшая буря, а там уже глядишь – и вы в своем новом доме. – Декан спустилась чуть пониже. – Отставать не советую, – проворковала она и унеслась куда-то в сторону.

– За ней! – закричал Аесли.

– Следом! – скомандовала Мерги дублю, и четверка помчалась за стремительно удаляющимся деканом.

Обучение началось.

Глава 5. Прибытие в Первертс

Когда первокурсников доставили на барже в Первертс, Порри хотелось только одного – упасть и пролежать без движения часов двенадцать. Ну на кой черт нужно было устраивать магическую бурю посреди озера?!²⁵ Его совершенно не удовлетворили путаные объяснения мисс МакКанарейкл о жизненных бурях, к которым должен быть готов будущий колдун.

На берегу новичков уже ждали студенты постарше – такие же зеленые от морской болезни и синие от промозглого ветра. Порри протолкался к сестрице и поинтересовался, неужели такой, с позволения сказать, круиз пережила и она в свое время.

---

²⁵ На самом деле бурю в Первертском озере никто не устраивал – это стационарное явление.

– Ну что ты, – слабо махнула рукой Гингема, – нас перевозили вдоль берега по двое в самодвижущихся лодочках. По зеркальной глади!

Гинги мечтательно завела глаза, но очередной приступ тошноты вернул ее на землю.

– Наверное, программа опять поменялась. Сейчас сплошные реформы в магическом образовании. Говорят, скоро будут учиться не шесть лет, а сто двадцать.

Порри представил, что ему еще сто девятнадцать раз предстоит пройти испытание баржей, и решил умереть прямо здесь и сейчас. Из прострации его вывел громкий шепот:

– А это Гаттер! Тот самый! Какой огромный!

Порри оглянулся. Две мелкие девчонки за его спиной пятались куда-то в сторону. Гаттеру стало получше. Да, шутка, придуманная на противоположном берегу, была хороша. Более того, она продолжалась и обещала еще немало развлечений.

* * *

Два часа назад, сразу после погрузки на баржу, измученных кроссом первокурсников подвергли переключке. Из всей четверки издавать звуки в состоянии была только Мергиона, часть дороги подъехавшая на дубле. Когда она крикнула: «Здесь!» на «Аесли Сен», окружающие просто покосились на нее. Но когда после «Гаттер Порри» Мерги ответила:

«Тоже здесь!», в соседнем углу трюма возникло движение.

Его источником оказался очкастый мальчуган, который на четвереньках пробирался сквозь толпу.

Добравшись до Мергионы, он внимательно изучил ее и робко спросил:

– А он правда здесь?

– Кто?

– Порри Гаттер? То есть сам мистер Гаттер. То есть мистер Порри Сам Гаттер... То есть...

Рыжая ведьмочка шевельнула рукой в направлении Порри и Сена, примостившихся на необъятном животе дубля.

– Здравствуйте, – пробормотал очкарик, обращаясь на всякий случай ко всем троим. – Я Кряко Малхой. Извините, это у меня такая фамилия. Я так много слышал о вас!

Выждав паузу и убедившись, что никто не собирается его прогонять, Кряко продолжил:

– Я прочитал все-все-все, что было напечатано о вашем подвиге в «Вечерней ворожбе», и в «Ежедневном волшебнике», и в...

– ...и во «Всевидающем оке», – к друзьям подползли еще два мальчугана интеллигентного вида. – И в «За магию»...

– Не обращайтесь внимания, это Грэбб и Койл, они еще ничтожнее, чем я, – отмахнулся Кряко, едва не шлепнувшись на спину. – Порри Гаттер! Мы ваши самые верные поклонники! С самого детства! Мы организовали Клуб Вашего Почитания! Вы лучше всех, вы настоящий герой! Мы во всем

хотим быть похожими на вас. Можно? А можно сфотографироваться с вами? Что вы как будто пожимаете нам руки? И можно... автограф?

Кряко так и застыл, обомлев от собственной наглости. Грэбб и Койл, видимо, уже успели разделить зоны влияния, потому что один вцепился умоляющим взглядом в Сена, второй – в Порри.

Порри растерялся. Конечно, он привык к сопровождавшему его восхищенному шепоту, но такое проявление славы было каким-то... чрезмерным. Он оглянулся на друзей. Аесли задумчиво постанывал, Пейджер пыталась победить собственную прическу. Помощи ждать было не от кого. Порри встал.

– Автографы, автографы! – поклонники затряслись и начали протягивать кумиру вырванные из «Новейшей истории магии» страницы с описанием эпизода падения Мордевольта.

– Большое спасибо, – сказал Порри Гаттер. – Как только мистер Гаттер проснется, мы доложим о вашей просьбе.

Почувствовав, как в его затылок впились два изумленных взгляда, Порри громко и внятно произнес:

– Порри так устал от своей бесконечной борьбы с Тем-кто-впрочем-что-я-вам-тут-объясняю, что просил не будить его до самого Первертса.

Мергиона соображала быстро, и дубль, причмокнув толстыми губами, отвернулся к стенке – так, что значок «XIV

курс. Второй год» не слишком бросался в глаза.

Малхой оцепенел, потом попытался шепотом попросить прощения, но, поняв, что даже это будет святотатством (да и кто его простит после такого?!), отполз в угол вместе с поникшими товарищами. Сен хмыкнул:

– Теперь они всем расскажут, что Порри Гаттер – здоровенный мужик, косая сажень в плечах... И борода лопатой!

Идея с бородой пришлась Мерги по вкусу, и дубль тут же начал свирепо чесать стремительно зарастающий подбородок.

– Так рождаются легенды, – сказал Сен, побледнел и согнулся пополам. Баржа достигла середины озера и встала на дыбы...

* * *

«Зря я это вспомнил», – подумал Порри и согнулся пополам. К жизни его вернуло беззаботное щебетание мисс Мак-Канарейкл:

– Так, не разбредаемся, не ложимся на землю! Кто будет падать в обморок – еще три круга по озеру! Ха-ха-ха! Я пошутила. Ну-ка, второкурсники, кто покрепче, берем малышню и волочем на распределение. Да-да, за руки, за ноги. Ха-ха-ха! Ничего-ничего, поверните мантию набок, и пятна не будет заметно. Проходим, проходим. Пока не распределитесь, еды не получите. Да что ж вас все время тошнит! Я ведь

просто сказала про еду, сегодня на ужин кальмары... Ну вот, опять!

Так, шутками и прибаутками жизнерадостной преподавательнице удалось согнать вяло передвигающихся студентов в более-менее компактную группу и направить к воротам Первертса («Подумаешь, еще пара миль, ха-ха-ха, ну вы уже не маленькие, сами дойдете, жду в замке»). Оставив червеобразный след, шар деканши умчался вдаль и завис над воротами Первертса. Студенты, спотыкаясь в темноте, потянулись в сторону источника света.

Хлобысь!

В шаге от Порри в землю вонзился какой-то тяжелый предмет.

Хлобысь! Хлобысь! Хлобысь!

Неизвестные снаряды осыпали заматавшуюся толпу. Старосты торопливо запустили злосветов²⁶, и все увидели огромную пальму, с вершины которой один за другим слетали здоровенные кокосы.

– Воры, гнусные воры! – завопило дерево. – Вы хотите украсть мои кокосы!

– Ох! – вскрикнула Мергиона. – Это же Психованная Пальма! МакКанарейкл специально сюда нас направила. Вот зараза!

---

²⁶ Разумные светлячки, светимость которых зависит от степени раздражения: чем больше раздражен злосвет, тем ярче он светится. Искусству злить этих насекомых посвящен целый школьный семестр.

Порри показалось, что в словах Пейджер проскользнула нотка восхищения.

– Мои кокосы, мои любимые, мои дорогие кокосики! – неистовствовала Пальма. – Я не позволю, чтобы вас украли мерзкие людишки! (Рядом с друзьями шлепнулся очередной любимчик мыслящего растения.) Пошли вон! Или лучше нет, подойдите-ка поближе, я вам устрою!

– Не стоять на месте! – заорала Гингема. – Быстро вперед! Студенты, прикрывая головы рюкзаками, бросились в сторону издевательски покачивающегося шара с довольной Сьюзи МакКанарейкл внутри.

– Так просто вы не скроетесь! – заорала Психованная Пальма. – Кусты, друзья мои, хватайте их! Кусты! Не дайте им уйти! Ах вы трусы! Ну, кусты, я вам это припомню...

Кусты никакой активности не проявили («С чего бы это, дети?» – мрачно подумал Порри), и, вскоре покинули опасную зону. Остаток пути они проделали в полной тишине, если не считать гулкого топота, временами раздававшегося в темноте.

– Кентавры? – опасливо спросил Порри у оказавшейся неподалеку Гингемы.

– Будем надеяться.

– Что значит «будем надеяться»? А кто это еще может быть?

– Например, тараканы, – пожала плечами Гинги, – или... Какие еще местные достопримечательности могли ша-

стать вокруг, Порри не узнал. МакКанарейкл, которой явно надоело ждать, тремя резкими движениями рокировала два участка равнины, в результате чего студенты дружно рухнули к воротам альма-матер.

– Все живы? – радостно спросила волшебница у стонущей и потирающей ушибы толпы. – Неужели никто не умер? Невероятно! Ну ничего-ничего, у вас еще все впереди.

Мисс МакКанарейкл спустилась на землю, одним пинком отогнала транспортный шар, другим – распахнула двери и ввела прибывших в длинный коридор, уставленный статуями в доспехах. Преподавательница еще на барже ухитрилась настроить против себя решительно всех, но останавливаться на достигнутом не собиралась: продолжая блистать своеобразным остроумием, она принялась бесцеремонно хватать студентов за носы.

Порри почувствовал, что просто обязан сделать зловредной деканше какую-нибудь гадость. Впрочем, он был не одинок. То слева, то справа доносилась скороговорка ворожбы – и в сторону мисс МакКанарейкл летели заклинания. Преподавательница, судя по всему, уже привыкла к подобному отношению и отбивала ученические заклятия с поразительной легкостью, стараясь сделать так, чтобы рикошетом угодило в кого-нибудь в толпе. Ее это очень забавляло.

«Ладно, – подумал Порри, – посмотрим, что ты сейчас запоешь!». Он сунул руку в потайной карман и извлек маленькую механическую мышку. Сгодится.

Порри завел пружину до отказа и опустил мышку на пол. Волна девчоночьего визга прокатилась по коридору, сопровождая траекторию механического грызуна, который неумолимо приближался к мисс МакКанарейкл.

– Что это еще за штучки? – весело воскликнула она и взмахнула палочкой. – *Стой-кто-идетус!*

Порри знал это заклинание. Любое магическое существо тут же рассыпалось бы на мелкие кусочки, но на механические шестеренки заклинание никак не действовало. Преподавательница успела применить еще два неизвестных Порри метода колдовской защиты, когда мышь подкатилась прямо к ее ногам. И тут декан Сюзи МакКанарейкл наконец-то присоединилась к общему визгу и запрыгнула на постамент к закованному в латы рыцарю. Статуя принялась беззастенчиво лапать волшебницу, но та продолжала вопить, не отвлекаясь на такие мелочи.

– Ух ты! – зашептал на ухо Порри Сен. – А Порри Гаттер, оказывается, и взаправду крутой маг, если училка не смогла отбить его фокус!

– Да нет, – честно признался Порри, – мышка заводная. О! Видишь, остановилась? Завод кончился. К сожалению.

– Что это было?! – оскорбленно пищала МакКанарейкл. – Откуда взялась эта дрянь? Кто посмел использовать в моем присутствии заклинания, которые мне неизвестны? Кто?!

Над толпой студентов нависла неприятная тишина. Многие видели, что именно Порри устроил переполох с мыш-

кой, но становиться в первый же день стукачом не хотел никто. Положение спас восторженный Малхой. Он успел подслушать кое-что из разговора приятелей, правда, интерпретировал это по-своему.

– Это Порри Гаттер! – радостно крикнул Кряко. – Тот самый Гаттер, который сделал то, что не смогли сделать все волшебники мира! А то, чем он вас напугал – всего лишь механическая игрушка, без капли магии и волшебства.

И Кряко торжествующе указал на невозмутимого дубля, который по-прежнему сопровождал свою рыжую хозяйку. Порри еще раз возблагодарил небо за то, что так удачно отвертелся от славы.

– Механическая? – по лицу МакКанарейкл стало очевидно, что и ее настигла морская болезнь, которая до сего момента мучила только студизусов. – Какая... гадость! Минус две тысячи очков с... с... Дьявол! Вас еще не распределили по факультетам! О! Минус две тысячи очков с факультета, на который попадет мистер Гаттер!

Вокруг дубля мгновенно образовалось пустое пространство, словно возле прокаженного. Рядом остались только Порри, саркастически улыбающийся Сен и Мергиона, уши которой были наглухо запечатаны чудо-плеером.

Старосты кое-как навели порядок в строю, и толпа потянулась к входу в актовый зал. К псевдо-Гаттеру осторожно подрулил атлетически сложенный красавец с заискивающей улыбкой.

– Очень рекомендую Слезайблинн. Там тебе будет хорошо. И народ там подобрался душевный.

– «Там»? – уточнил Порри, высовываясь из-за дубля. – То есть ты не из Слезайблинна?

– Что ты, что ты! – замахал руками атлет, смутился и смешался с группой студентов в форме Орлодерра.

После этого Порри стал свидетелем еще нескольких предложений: попроситься на Орлодерр (от двух студенток Чертекака), не думать ни о чем, кроме Чертекака (от долговязого парня со значком старосты Гдетотаммера), а также «влиться в дружную семью студентов Гдетотаммера» (от группы очкариков-слезайблиннцев).

– Все-таки имя Гаттера много стоит, – заметил Порри, польщенный повышенным вниманием. – И ведь не за себя хлопчут, за другие факультеты.

– Еще бы! – отозвался Сен. – Кому охота за здорово живешь получить твои минус две тысячи?

У Порри резко испортилось настроение, и ему даже пришлось напомнить себе о том, что главная задача – вылететь из Первертса как можно скорее. Пока все складывалось удачно. Хотя и противно.

Между тем актовый зал заполнился студентами, которые, не без некоторой суматохи, заняли свои места. Впереди расположились первокурсники, сзади, за огромными шаткими факультетскими столами из пластика – студенты старших курсов.

На сцене, в президиуме, восседали преподаватели: не умолкающая ни на минуту МакКанарейкл, старательно ее слушающий Харлей, человек-гора, недоуменно таращившийся на собравшихся («Развнедел, декан Чертекака, – шепотом пояснил Аесли, – пытается понять, кто он и что здесь делает»), приветливый колдун в мантии, которая постоянно меняла фасон и цвет («Югорус Лужж из Слезайблинна, видишь, под ним нет стула, сидит на одной магии»), и еще десяток профессоров столь же странной наружности.

Только два места в президиуме оставались пустыми – одно с краю («Для заколдованного декана Гдетотаммера», – догадался Порри), а второе, представлявшее собой троноподобное кресло, – в самом центре. Все внимание проголодавшихся и измотанных студентов было приковано именно к нему. Неудивительно, что по залу прокатилось громкое «Ах!», когда из клубов сизого дыма с оглушительным грохотом появился худенький бодрый старичок с великолепно уложенной бородой.

– Сера с бертолетовой солью! – потянув носом, определил поднаревший в химических опытах Порри.

– Сам ты сера! – укоризненно заметила Мерги. – Это же ректор Бубльгум. Он, по оценке журнала «Фырчун», почти возглавляет сотню лучших волшебников года²⁷.

---

²⁷ В последние годы TopMagic-100 начал утрачивать свою авторитетность – слишком много позиций в сотне лучших волшебников достается магам, размещающим в «Фырчуне» свою рекламу.

– Что значит «почти»? – поинтересовался Сен.

– Сразу после Билла Гейтса. Короче, ему с серой возить-ся – себя не уважать. Классно колдует, я даже не усекла, как он это проделал.

Голос у Бубльгума был такой глубокий и звучный, что Порри сразу подумал о радиомикрофонах, но решил помалкивать.

– Друзья! Я знаю, вы все устали, поэтому буду краток.

И ректор был краток на протяжении сорока минут.

– А теперь... – произнес Бубльгум и сделал эффектную паузу.

– Ужин! – в едином порыве выдохнули сотни глоток.

– Фигушки! – ласково улыбнулся ректор. – Распределение по факультетам.

Глава 6. Околпачивание

Распределение, по мнению Порри Гаттера, началось довольно странно. Тощий аспирант торжественно вынес потрепанный, серый от пыли колпак, водрузил его на высокую подставку для цветов и застыл в почтительном молчании.

Через пять минут самые нетерпеливые начали шептаться и покашливать. Через десять минут эпидемия кашля напала на добрую половину зала. Недобрая половина откровенно посвистывала и шаркала ногами. Еще через несколько минут один из преподавателей сорвался с места, подбежал к колпаку и стал что-то сердито бормотать.

– А? Чего? – зашевелился волшебный галантерейный предмет. – Распределение?

Волшебник закивал, не прекращая настойчивый шепот. Порри показалось, что он ослышался:

– По факультетам распределяет эта старая шляпа?!

– Не старая шляпа, а Древний Распределительный Колпак, – ответил Сен Аесли. – Нам еще повезло, раз в три года это делает Вековой Носок.

– Жрать небось хотите? – захихикал Колпак, повернувшись к студентам.

Аудитория отозвалась утробным гулом.

– Ладно, так и быть. – Колпак на секунду задумался и провозгласил: – Всех в Чертекак!

Студенты радостно завопили и развернулись к столам в расчете на появление долгожданного ужина. Но столы остались пустыми (если не считать солонки и перечниц), а учителя – крайне недовольными. Сразу несколько волшебников бросились к шляпе, размахивая руками, тихо шипя и ругаясь. Порри смог расслышать только отдельные непонятные слова «тарификация», «полставки» и «загрузка». Видимо, это были отрывки каких-то страшных заклятий. Колпак никак на них не реагировал.

В конце концов пришлось вмешаться самому Бубльгуму. Он воздел безмятежный взор к потолку и громко сказал:

– А что, мистер Клинч, моль в кладовой № 4 до сих пор не выведена?

Из-за портьеры появился здоровяк зловещего вида. Судя по всему, у него с магическим головным убором были свои счеты, потому что Колпак сразу обмяк и буркнул что-то вроде: «Давайте, только быстро».

Преподаватели рысью вернулись в президиум. Возле кол-

пака остался только аспирант, который прочистил горло и произнес ломающимся голосом:

– Амели Пулен!

Черноволосая большеглазая девочка подбежала к Колпаку и безбоязненно нахлобучила его на голову.

– Так, – сказал Колпак. – Это уже слишком. Девочка! Что за фамильярности?! Ты что, в магазине?! Ты что, меня купила?! Это собеседование, а не примерочная! А теперь немедленно... То есть наоборот, ме-е-е-едленно, я повторяю, ме-е-е-е-едленно... поставь меня на место!..

Амели осторожно стянула шляпу и вернула ее на подставку.

– А то ишь, начитались модных книжек... – пробурчал Колпак, надевая очки. – Ладно, собеседуем. Первый вопрос. Какие причины побудили вас подать документы в Школу Магии. Или, говоря другими словами, какого черта ты вообще поперлась в Первертс? Ну что ты молчишь? Я мысли читать не умею.

– Мне интересно, – мгновенно ответила девочка.

– Ей, видите ли, интересно, – язвительно произнес Колпак. – Ей. Интересно. А о других ты подумала?

– Подумала, – реакция Амели была отменной.

– Ох уж эта молодежь, на все у них готов ответ, – разочарованно сказал Колпак. – Последний вопрос. Можно ли делать людям добро, если они об этом не просят?

– Только если они очень сильно об этом не просят, – без

запинки выпалила девчонка.

– Ну что ж, решение очевидно, – Колпак выдержал томительную паузу. – Слезайблинн!

Амели охнула и пошатнулась. В глазах блеснули слезы. Было похоже, что она с большим удовольствием согласилась бы работать официанткой в закусочной.

– Что, испугалась? – довольно заухал Колпак. – Ладно, не бойсь. Орлодерр.

Амели опрометью бросилась к столу Орлодерра. На полдороги она обернулась и сфотографировала Распределительный Колпак стареньким аппаратом. Тот поморщился.

Дальше пошло не лучше. Колпак задавал бестактные и риторические вопросы, беспричинно тянул с выбором, ни с того ни с сего надолго задумывался, путал имена и названия, придумывал несуществующие факультеты, внезапно менял решения, короче – отрывался по полной программе. Изредка для разнообразия злобная шляпа заявляла: «Выгнать не зачисляя!» или «В приют для слаборазвитых!». Часть старшекурсников уже откровенно спала или резалась в «камень-ножницы-пергамент»²⁸, а в первых рядах еще оставалось человек сорок недораспределенных.

– Да, – зевнул Сен. – Предсказываю, у нас будет не ужин, а ужинозавтрак. А может и...

– ...зачислить, оштрафовать и выгнать, – вынес очеред-

---

²⁸ КНП, популярная полуподпольная азартная игра. Почти половина представителей TopMagis-100 сделала свой первый миллион, выиграв его в КНП.

ной вердикт Колпак. – Следующий!

– Сен Аесли! – объявил аспирант.

Услышав «Аесли», шляпа сразу перестала хихикать.

– Аесли? Сын мистера Аесли из Департамента Затуманивания, если не ошибаюсь? – зачастил Колпак. – Прошу вас, мистер Сен Аесли. Один вопрос и четыре варианта ответа. Где вы хотите учиться? Орлодерр, Слезайблинн, Гдетотаммер и, извините, Чертекак.

– Пожалуй, правильным ответом будет Орлодерр, – величественно произнес Сен. – Или Слезайблинн? Или вот Гдетотаммер. Как вы полагаете, Гдетотаммер хороший вариант? А я могу?..

– Ну конечно! – воскликнул Колпак. – Уберем два варианта. Орлодерр или Слезайблинн?

– Пожалуй, для начала я бы поучился... – теперь уже Аесли выдержал театральную паузу, – ...в Орлодерре.

– Поздравляю, совершенно верно, – прошелестела шляпа и чуть ли не поклонилась. Сен направился к столу своего нового факультета, а Колпак ощерился и зловеще проскрипел: – Следующий.

Следующему после Аесли (а это оказался Кряко Малхой) очень не повезло, – отыгрываясь за подхалимаж перед сыном важного правительственного чиновника, Колпак измывался над бедолагой добрых полчаса, пока наконец не отправил несчастного Кряко в Слезайблинн.

– А ведь его здесь нет, – неожиданно сказала Мергиона.

– Кого? – вздрогнул Гаттер.

– Четверокурсника. Ну, того бугая из поезда. Помнишь, образец для нашего дубля?

– Так это же хоро... Ой... А кто же был в поезде?

– Вот именно. Если такого студента в Первертсе нет, значит, к нам приходил...

– Мергиона Пейджер! – изрядно охрипший аспирант уже еле держался на ногах.

Мерги встала и решительно зашагала к Колпаку.

«Кто к нам приходил? – Гаттер почувствовал, что начинает бояться. – Оборотень? Гоблин? Демон? Мордевольт, переодетый оборотнем?!»

– Стой там! – вдруг завопил Колпак. – Больше ни шагу! Я протестую! Эта ведьма уже здесь училась, – он возмущенно повернулся к президиуму. – Это же Пейджер! Я ее помню... Что? Кто? Дочка? Чтоб я сдох...

Очевидно, о маме Мергионы у волшебной шляпы остались самые неприятные воспоминания. Колпак насупился:

– Короче, так. Если поклянешься не приближаться ко мне ближе чем на пять...

Мерги сделала шаг вперед. Колпак побелел и стал похож на головной убор ку-клукс-клановца:

– Я сказал, не приближаться!

Еще шаг.

– А-а-а! – нервы шляпы не выдержали. – Зачислена! На любой факультет! Куда хочешь! Только уйди!

Мергиона лукаво посмотрела на Колпак, сказала: «Увидимся», отчего тот передернулся, и скромно («Вот лицемерка!», – восхитился Порри) прошла к столам Орлодерра.

После неприятной встречи с младшей Пейджер шляпа потеряла кураж и, уже не выделяясь, быстро распределила оставшихся первокурсников, – через десять минут на первом ряду остались только дубль и Порри.

– Порри Гаттер! – провозгласил аспирант и непроизвольно икнул.

Порри пихнул дубля в бок: «Иди, иди». Тот обернулся на Мергиону, юная ведьма кивнула. Дубль покорно встал, сделал три огромных шага и остановился, бессмысленно глядя на шляпу. И зал, и президиум разом проснулись. Во-первых, все-таки это был тот самый Порри Гаттер, победитель Мордевольта; во-вторых, сейчас выяснится, кому достанется его тяжелое приданое в минус две тысячи баллов; в-третьих, ужин был уже неправдоподобно близок; а в-четвертых, ну и рожа у этого Гаттера!

– Вижу в глазах блеск интеллекта, – Колпак тоже оживился, позабыв о вредных ведьмах Пейджер. – Так вот ты какой, тот самый Порри Гаттер. Первый вопрос. Есть ли у вас родственники за границей?

Дубль – естественно – ничего не сказал.

– Нет ответа? Хорошо... Второй вопрос. Привлекались ли вы ранее к уголовной или административной ответственности? Не хотите отвечать? Понятненько. Третий вопрос. От-

вечать быстро, не раздумывая! Как вы провели лето?!

Псевдо-Гаттер молчал, безучастно глядя перед собой.

– Вы чрезвычайно лаконичны, мистер Гаттер, – подытожил Колпак. – И выбрали очень умную тактику. К моему огромному сожалению, я не могу отказать в поступлении человеку, который не дал ни одного неправильного ответа²⁹. Все, что я могу сделать, – отправить этого человека-загадку неизвестно куда, то есть в... Гдетотаммер!

Стол Гдетотаммера застонал, мисс МакКанарейкл в президиуме засияла.

И в этот прекрасный миг (все удалось!) Порри вдруг осознал, какой глупый, непростительный промах он совершил. Сердце ухнуло вниз. Список поступающих закончился, а он остался на передней скамье совершенно один. Гаттер почувствовал на себе сотни недоуменных взглядов и мысленно проклял себя за то, что не научился простому, в сущности, магическому приему проваливания под землю.

– А это еще что за чудо лопаухое? – весело спросил Колпак. – Призовая игра?

– Еще один Порри Гаттер, я полагаю, – спокойно сказал ректор Бубльгум. – Уважаемый Распределительный Колпак, в виде исключения повторите процедуру для мистера Гаттера. И, опять-таки в виде исключения, сделайте это традиционным способом.

---

²⁹ Первым студентом, зачисленным в Первертс с помощью этой уловки, был будущий декан Чертекака Развнедел.

Порри обреченно вышел в центр и встал рядом с дублем. Аспирант бережно приподнял безглаголиво поморщившийся Колпак и водрузил его на макушку Гаттера. Порри зажмурился, пытаясь вспомнить все плохое, что он думал о волшебстве вообще и Первертсе в частности.

– Голову мог бы и помыть, – проворчала шляпа. – Ну-с, посмотрим, что у нас здесь... Хм! Вместо ума хитрость, вместо смелости наглость, вместо прилежания усидчивость, вместо интуиции озарения. Может, сразу в аспирантуру?

Порри чуть не взвыл. Аспирантура означала триста лет зубрежки и почти гарантированную карьеру библиотечного работника. В ярости он представил формулу одного чрезвычайно едкого соединения, которое должно было обеспечить колпаку медленную и мучительную гибель. Это подействовало.

– Массачусетский Технологический Институт, – поспешно сказала шляпа.

Порри затаил дыхание, не смея поверить своему счастью. Затаили дыхание и все присутствующие. Когда молчание затянулось сверх всякой меры, аспирант осмелился уточнить:

– Ну, так куда?

– Ты что, глухой? – раздраженно спросил колпак. – Я же ясно сказал – Массачусетский Технологический Институт. Если хочешь точнее, то факультет робототехники. Следующий! А, уже все? Ну так отнесите меня в мои покои!

По президиуму пробежал встревоженный ропот. Здесь

уже привыкли к закидонам шляпы, но на этот раз ситуация, похоже, вышла из-под контроля.

Первым нашелся Бубльгум:

– Пользуясь прецедентом, ученый совет принимает решение распределить абитуриента Порри Гаттера путем голосования преподавателей.

Как сквозь вату, Порри услышал голос МакКанарейкл:

– А что, разве у нас был такой прецедент?

– А как же, – ответил ректор.

– Это когда же?

– Да вот только что.

Вздорная преподавательница несколько раз открыла и закрыла рот, других аргументов у нее не нашлось. Преподаватели потянулись к выходу из зала.

– А ужин, ужин?! – отчаянно заголосили студенты.

– Ах да, конечно, – Бубльгум махнул рукой, под потолком вспыхнула сотня бенгальских огней, и несколько заспанных местных призраков в фартуках принялись лениво разбрасывать по столам тарелки с овсянкой. Сверху на тарелки падала бенгальская сажа.

Длинный коридор от общей залы до преподавательской процессия преодолела в тягостном молчании. Один Харлей, как мог, шепотом поддерживал мальчика: «Ну поучишься в Первертсе, а что делать, тут не каждый день овсянка, а ты как думаешь».

Когда профессорско-преподавательский состав набился в

комнату, повисла очередная пауза. Все молчали, явно боясь начать разговор.

Наконец добродушный Югорус Лужж не выдержал и, смущенно кряхтя, высказался в том духе, что в память о студенческой дружбе с отцом Порри он мог бы взять мальчика, если мисс МакКанарейкл снимет свои не совсем справедливые две тысячи очков штрафа.

– Что?! – вспыхнула МакКанарейкл. – Еще чего! Будет таскать свои две тысячи как миленький!

И взъерошенная декан Орлодерра, шипя и брызгая слюной, рассказала историю появления рекордного штрафа³⁰. Когда она дошла до раскрытия механического происхождения грызуна, на лицах волшебников проступило нескрываемое отвращение. Лужж попытался ободряюще улыбнуться мальчику, но внезапно позеленел и, подобрав мантию, испарился.

Только великий Бубльгум оставался безмятежным. Порри невольно подумал, что ректор наверняка прибегает к своей знаменитой утонченной магии, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

Дождавшись окончания сбивчивого рассказа Сюзан, Бубльгум заговорил:

– Что ж, наказание вполне справедливое, возможно, да-

---

³⁰ До сих пор рекорд Первертса (минус 1999 баллов) принадлежал матери Мерги – на шестом курсе старшая Пейджер замуровала всех преподавателей в кабинете ректора и устроила ночную дискотеку, продолжавшуюся трое суток.

же слишком мягкое. Думаю, Совет утвердит минус две тысячи баллов. А юношу мы, пожалуй, определим в... Орлодерр. Кто за?

Профессура дружно взметнула вверх руки, после чего разразилась смехом и рукоплесканиями.

– Будет справедливым вернуть эти тысячи туда, откуда они взялись, – продолжил ректор, – не правда ли, мисс Мак-Канарейкл?

Что случилось с деканшей после этих слов! Визжа от ярости, она покрылась разноцветными пятнами, потом полосами, затем превратилась в тигрицу, акулу, анаконду, рой ос, плачущего крокодила, смеющуюся гиену, боксирующего кенгуру, гигантский кактус, наконец, приняла первоначальный облик, отдышалась и зловеще улыбнулась.

– Отрелаксировали? – мягко спросил Бубльгум. – Вот и славно. Харлей, можете выбираться из-под шкафа.

Через десять минут совет вновь расселся в президиуме, и ректор объявил о зачислении Порри Гаттера в Орлодерр, – известие, встреченное бурными аплодисментами столов Слезайблинна, Чертекака и Гдетотаммера.

– Твоя овсянка, – приветствовал друга Сен. – Почти теплая.

– Я очень рада, – сказала Мергиона. – Только пойми меня правильно. Приняли бы тебя в любом случае, так уж лучше Орлодерр, чем Слезайблинн.

– Или Гдетотаммер, – подхватил Аесли, – верно, Биг Бен?

Дубль кивнул и продолжил вылизывать тарелку. Гаттер удивленно уставился на малоаппетитное зрелище.

– Я договорилась с МакКанарейкл, представляешь? – сказала Пейджер. – Он будет с нами... ну типа... учиться. Короче, будет с нами. Мы ведь в ответе за того, кого... ну понятно. Надо будет только его расклеить.

Порри поковырялся в овсянке, посмотрел на дубля и вдруг заволновался:

– Мер, помнишь, на распределении ты начала говорить, что в поезде к нам заявился не настоящий четверокурсник. А кто же это был?

– Я не знаю, – посерьезнела Мерги. – Но ты на всякий случай один не ходи.

Бубльгум поднялся и постучал ложкой по Кубку Первертса, сменившему Колпак на подставке для цветов.

– Коллеги! Прежде чем вы приступите к десерту («Десерт?», – удивился Порри. – «Компот», – пояснил Сен), пожалуйста небольшое объявление. Начиная с этого года, первокурсники будут проводить сентябрь и половину октября в Напотэйтоу. Отъезд завтра утром. Приятного аппетита.

В зале недоуменно зашушукались.

– Нет, только не это, – простонал Аесли, – отец же говорил, что в Напотэйтоу будут отправлять только со следующего года!

– Что это такое – Напотэйтоу? – Мергиона непонимающе смотрела на Сена. – И что мы там будем делать?

– Картошку копать, – тоскливо вздохнул Аесли.

Пейджер задумалась, посмотрела на своего декана, захотала и несколько раз хлопнула в ладоши.

– Ай да МакКанарейкл! Теперь все понятно.

– Что понятно? – спросил Гаттер.

– Почему нам разрешили оставить дубля.

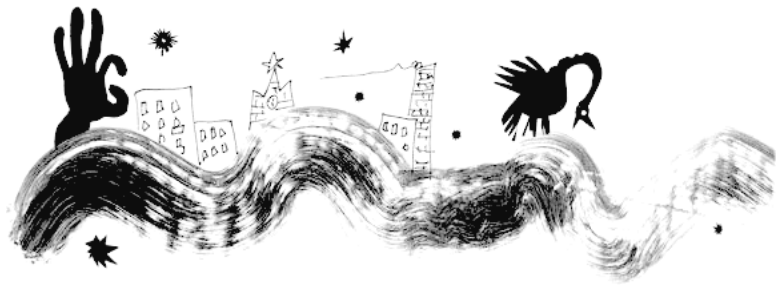
– Почему?

Мергиона пододвинулась к Порри и загадочно прошептала:

– Так ведь Напотэйтоу.

Глава 7. Напотейтоу

Кряко добавил щепотку печени единорога, осторожно ду-
нул на получившуюся смесь и сделал шаг назад, любуясь по-
лучившейся стенгазетой. Строго говоря, стенгазетой это на-
звать было нельзя, потому что радужная картинка висела не
на стене, а прямо в воздухе, но все остальное было на высо-
те: название «Чистая сила», передовица «Маг – это от слова
„могу“», фельетон о плохой дисциплине Оливье Фореста и
его дружков, а также карикатура, бичующая ночные гуляния
и драки на дискотеках.

Основную часть газеты занимали четыре колдографии
под лозунгом: «Держим равнение на этих!».

В свое время Кряко немало поломал голову над подпи-
сями к портретам. Написать под Порри «Обожаемый сим-
пампунчик!!!!!» не позволили члены редколлегии – нераз-

лучные Грэбб и Койл. «Лучший передовик» было бы просто враньем. Поэтому Малхой решил ограничиться нейтральным «Наша гордость».

В первом номере газеты присутствовала только физиономия Гаттера, но разъяренный Порри пригрозил перебить Малхою все очки (это было обидно, но терпимо) и перестать с ним разговаривать (а вот этого Кряко не перенес бы). Пришлось расширить круг «этих», добавив ближайшее окружение кумира.

Под портретами Мерги и дубля (который уже отзывался на имя Дубль Дуб) Малхой аккуратно вывел «Лучшая бригада». Это было чистейшей правдой: вдвоем Мерги и Дубль выкапывали столько же картошки, сколько все остальные первокурсники. Правда, когда однажды мисс Пейджер не вышла на работу, сославшись на мигрень, производительность Дуба подскочила вдвое, поскольку ему не приходилось тратить время на перенос хозяйки с места на место и отгон от нее докучливых муловских мух.

И, наконец, Сен Аесли удостоился скромной подписи: «Сын начальника Департамента Затуманивания».

Восемнадцатый номер «Чистой силы» был почти готов. Оставалось только получить известия от Койла и Грэбба, которые, в отличие от Малхой, были вынуждены торчать на поле вместе со всеми. Самого Кряко перевели в освобожденные редакторы по причине слабости здоровья. Кроме того, Малхой страшно переживал из-за своей ошибки в опозна-

нии героя и поэтому все равно не работал, а только путался под ногами у Гаттера, вымаливая прощение.

Кряко ожидал обычных нудных донесений о трудовых подвигах Дубля и Мергионы, но на этот раз его корреспонденты ввалились в редакционный вагончик с таким взъерошенным видом, что Малхой сразу понял – случилось.

– Ты представляешь! – с порога заорал Койл, размахивая измазанной в земле волшебной палочкой (палочка очень помогала в сборе урожая – тыкая ею в землю, можно было определить, местонахождение картофеля). – Он ему как даст!

– А тут Мордевольт как зашипит!

– А тут Порри ка-а-а-а-к...

Но что именно Порри «ка-а-а-а-к», Малхой не услышал. Как только он понял, что где-то бушует сражение, в котором участвует Великий Порри, за которым охотится Тот-так-его-разтак, который может нанести Великому Порри травму, которая... Словом, как только Кряко понял, что дело плохо, он тут же без лишних слов и пламенных речей бухнулся в обморок.

А произошло вот что.

Во время очередного перекура (который наступал всякий раз, когда дежурный преподаватель куда-нибудь отлучался) Порри сделал еще одну попытку превратить друзей в сторонников НТР и НТП. Пока он не особенно преуспел. Мергиона и Сен упорно не хотели выходить за рамки привычных

тем, и в предыдущие перекуры были обсуждены общенациональная забастовка инвентаря для футбича³¹, использование потусторонизатора³² в творчестве маг-панк-группы «Ливерпуль», способы дрессировки покемонов и прочая волшебная ерунда.

Но сегодня, когда декан Развнедел, удивив всех словами «Пойду почитаю газету», удалился, Порри удалось совершить прорыв. Правда, поначалу разговор пошел о совершенно надуманной, по мнению Гаттера, проблеме быстрого проветривания спален после нелегального вызова духов, но вскоре монолог Мергионы «Да при чем тут размеры спальни, Сен! Условия хранения духов, вот что главное!...» был прерван тарыхтением мотоцикла.

– Харлей, привет! – закричал Порри. – Спускайтесь к нам!

– Здравствуй, Порри, спасибо за приглашение, но, пожалуй, нет, – преподаватель остался в висящем над землей мотоцикле. – Ведь неизвестно, кто может водиться именно здесь. Восхищаюсь вашим мужеством, и вот вам э-э-э... памятка. Может, поможет. Как ты думаешь?

---

³¹ Традиционную футбичную сентябрьскую забастовку ежегодно устраивали блинджеры – мячи, предназначенные для нанесения игрокам тяжелых увечий. Эти свирепые тупые твари в начале каждого сезона отказывались выходить на поле, требуя прекратить бить их битами и отменить все привилегии свинчей. До сих пор все забастовки завершались неудачей из-за штрейкбрехерства высокооплачиваемых сливфлов.

³² Синтезатор потусторонних звуков. По мнению большинства критиков, использование потусторонизатора является профанацией старого доброго маг-н-рола, в котором потусторонние стуки извлекались естественным путем.

Сверху спланировали несколько листовок-колдовок. В верхней части каждой переливалось: «Все, что вы хотели знать о страшном колорадском жуке, но боялись». Друзья погрузились в чтение, а Харлей отправился рассеивать колдовки над остальными первокурсниками. Делал он это почти каждый день, и у старательной девочки Амели, тайно влюбленной в преподавателя, уже скопилась внушительная коллекция таких опусов Харлея, как «Лягушка обыкновенная, но от того не менее опасная», «Мышь-полевка – мифы и тревожные факты», «Как выжить при встрече с диким зайцем» и «Кошки. Кто они?»

Гаттер дочитал душераздирающее произведение, которое заканчивалось стандартной фразой: «Сам-то я этих тварей никогда не встречал, ну, может, и у вас обойдется» и перевернул колдовку. С обратной стороны на него грозно затрубил гигантский колорадский жук – такой, каким его нарисовало воспаленное воображение Харлея. Сверху снова зарокотал мотоцикл.

– Ну как, не очень? – торопливо сказал Харлей, глянув на собственный шедевр. – Ну, не унывайте, на ужин будут баттлброды. А что делать? – и озабоченно утарахтел вдаль.

– Что такое баттлброд? – спросил Порри.

– Волшебный драчливый бутерброд, – предположила Мерги.

– Или битва за урожай, – подхватил Сен.

– Или окаменевший батон, который можно выбросить в

форточку с криком: «А нефиг под окнами шлаться!», – продолжила Мерги.

– Короче, вы не знаете, – подытожил Гаттер. – Эх, был бы у меня под рукой Интернет, в две секунды бы все выяснили. Интернет, понимаете? Эх, темнота...

Вот так Порри удалось свернуть разговор в нужную сторону. Вскоре выяснилось, что ни Пейджер с ее природным талантом, ни Аесли с его способностью затуманить все, что угодно, в подметки не годятся Порри в вопросах высоких технологий. Сена особенно впечатлили anekdot.uk и ICQ. Он извлек из кармана магильник, критически осмотрел его, хмыкнул и засунул обратно.

– А там можно посмотреть, какие, например, будут носить прически, например, в Париже, например, зимой? – спросила Мерги.

– Конечно! – отозвался Порри. – Надо просто запустить поисковую программу и ввести «прически», «Париж» и «зима».

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотала маленькая колдунья и затихла. Через пять минут, когда Порри увлеченно объяснял Сене, где на втором уровне Quake спрятан гранатомет (многие мешки с картошкой уже порядком обгорели), Мерги протянула Гаттеру свою пудреницу и небрежно спросила:

– Так?

Порри еще раз понял, как ему повезло с друзьями: на матовой поверхности горел синим пламенем логотип поиско-

вой системы Google.

В этот момент Великий Гаттер был готов отдать все, что угодно, за девчоночью пудреницу и уже начал рыться в карманах в поисках всего, чего угодно. И именно в этот момент из-за спины раздался голос декана Орлодерра Сьюзан МакКанарейкл:

– А что это мы тут бездельничаем? Прихорашиваемся вместо того, чтобы спасти урожай? Профессор Бубльгум на последнем селекторном совещании... – тут декан Орлодерра заметила Порри, – ...подчеркнул необходимость своевременного отдыха. Гаттеру за правильное распределение сил плюс тридцать баллов.

Порри затосковал. Безудержное премирование, которым МакКанарейкл отыгрывала собственноручный штраф, совершенно его не радовало: набери Гаттер минус три тысячи триста тридцать три – и долгожданное отчисление последовало бы автоматически. И хотя за Первертс без Гаттера деканша продала бы душу Дьяволу³³, оставить за Орлодерром такой чудовищный штраф (все баллы отчисленных перечислялись на баланс факультета) она не могла.

Мисс Сьюзан что-то черкнула в своем блокнотике, на-

---

³³ Фигура речи. Широко распространенное заблуждение о заинтересованности Дьявола в приобретении душ не имеет под собой никаких оснований. Этот ортодоксальный волшебник, обитающий в древнем туннеле, расположенном под туннелем под Ла-Маншем, скупает лишь астральные тела – сделка, абсолютно невыгодная магам, поскольку, как известно, без астрального тела никакое колдовство невозможно.

хмурилась, пробормотала что-то вроде «еще минус одна тысяча шестьсот семьдесят, о Боже, ладно, давайте не будем мелочиться, округлим до тысячи шестисот» и направилась штрафовать слезайблиннцев.

– Мисс МакКанарейкл! – в отчаянии крикнул Гаттер в удаляющуюся спину преподавательницы, – а я, а я... – он запнулся, пытаясь придумать нарушение, которое будет ему стоить минус хотя бы пару баллов. Признаться следовало в чем-то вопиющем – вчерашнее заявление Порри о том, что это он ночью забрался на кухню и съел сто двадцать завтраков (на самом деле это озоровали местные одичавшие домовые), вылилось в «минус десять за детскую шалость и плюс пятьдесят за похвальную честность».

И тут произошло нечто непредвиденное.

В соседней борозде хлопнуло, повалил фиолетовый дым, который вытянулся в длинную сигару, сложился в зловещую надпись: «Гиппократ предупреждает» и наконец принял вид отвратительной физиономии.

– Сюзи! – просипел призрак. – Воробушек, куда же ты? Вспомни пламенные ночи!

Сюзан МакКанарейкл слыла самым бесшабашным деканом самого безбашенного факультета³⁴. Она была единственным профессором, который осмеливался дерзить ректору.

---

³⁴ Пятьдесят лет назад по приказу МакКанарейкл с общежитий Орлодерра снесли все охранные башни, с которыми веселая деканша регулярно сталкивалась во время своих ночных полетов.

Однажды Сьюзан дралась на магической дуэли сразу с тремя японскими колдунами и довела их до коллективного харакири своим традиционным трехчасовым опозданием.

Но на сей раз декан МакКанарейкл повела себя как обычная перепуганная школьница.

– *Чурики-я-в-домике*, – провизжала она охранное заклинание и превратилась в избушку на курьих ножках. Избушка тут же шлепнулась оземь, прикрыв окна синими от ужаса лапками.

– Вижу, помнишь, – продолжило привидение. – О, как ты кричала, когда... Впрочем, прости, здесь же дети. Много детей. Много молоденьких деток, которые никогда меня не видели и поэтому не понимают, чего ты так испугалась, Воробушек.

Избушка начала судорожно зарываться в картофельное поле.

– Давайте знакомиться, детки, – призрак становился все плотнее и зримее. – Зовут меня Мордевольт. Ну-ка, все вместе: Мор-Де-Вольт.

Оцепенение сковало первокурсников. Они не могли поверить, что страшилка из маминых сказок «Ешь, а то придет Мордевольт и превратит в телепузика» действительно существует.

Первой завопила Мергиона. Через секунду ее визг подхватила вся девчоночья и большая часть мальчишечьей аудитории. Самые отважные бросились наутек.

Единственным, кто не потерял рассудок от страха, оказался трудолюбивый Дубль. («Как он мог потерять рассудок?» – пожимал потом плечами Сен.) Дуб оторвался от сельскохозяйственных работ, подошел к призраку Мордевольта и деловито стукнул его по макушке. На танцульках, когда Мерги слишком донимали местные мудловские мальчишки, этот способ срабатывал.

Как ни странно, сработал он и сейчас. Фиолетовое лицо перекосилось, сплющилось и превратилось в обычный дым.

Над полем вновь воцарилась абсолютная тишина. Ее нарушала только мерная дрожь избушки да отдельные всхлипывания студенток. И тут из-за здорового картофелеуборочного дракона показался довольный собой Развнедел. Его брюхо сотрясало от беззвучного смеха. Впрочем, через пару шагов смех стал звучным.

– У-хо-хо-хо! – заливался декан Чертекака. – Ну и кто у нас теперь неуклюжий болван? И кто у нас теперь трусишка кролик беленький? И кто у нас боится играть мизер втемную? Не бойтесь, дети, это всего лишь шутка. Хотелось показать уважаемому профессору, что нельзя безнаказанно подкладывать коллегам любовное снадобье в... во всякие лекарства.

Развнедел назидательно поднял палец, попал себе в ухо и шлепнулся на кучу ботвы. Даже это не ухудшило его настроения, и толстяк продолжал хихикать как заведенный.

Зато на МакКанарейкл нельзя было смотреть без опаски.

Она уже успела принять свой нормальный вид, но вид у нее при этом был ненормальный. Сен потом клялся, что видел во рту деканши три ряда акульных зубов.

– Почему бездельничаем! – заорала деканша. – Быстро за работу! Всем минус сто баллов! А вам, Гаттер... («Неужели и сейчас премирует?» – ужаснулся Порри) ...минус один.

Вся эта история подействовала на Малхоя удручающе. Он еще пару раз упал в обморок, а монолог «Мордевольта» согласился дослушать только после того, как ему дали два честных слова, что «все кончится хорошо». Редактора удалось отвлечь от тяжелых мыслей только предложением быстро написать красочный отчет о происшедшем.

Когда увлекшийся работой Кряко добрался до эпизода, где Порри прикрывает собой мисс МакКанарейкл и Мергиону Пейджер, и (в этом месте Малхой на секунду заколебался) Сена Аесли, и (здесь редактор колебался секунды три) Дубля Дуба, в вагончик ввалился заводила орлодеррских молодчиков Оливье Форест.

– Че вы тут сидите? Айда с мудлами махаться! Из преподав никого не осталось! Канарейка заперлась у себя, глаз не кажет, Развнедел довольный лежит в лазарете с поломанным пальцем. Лужж и Б.Г. еще с утра свалили в город.

– Какой Б.Г.? – рассеянно переспросил Кряко, выколдовававший огромный заголовок новой передовицы «Отвага Гаттера» и подзаголовок «Сможем ли мы когда-нибудь стать такими же? Вряд ли».

– Ну, Б.Г. – БубльБум! Совсем ты тут одичал, Кряк. Пошли! Там и твой тоже будет.

– Неправда, Порри не дерется! Он только защищает слабых! И вообще, – спохватился Кряко, – какой такой «мой»? Кого ты имеешь в виду?

Оливье, Грэбб и Койл уже были за дверью. Малхой убежал вслед за ними и с облегчением понял, что помахаться с местными сегодня не удастся: в сельхозотряд вернулись встревоженные Югорус и Бубльгум.

Первым делом они, на радость студентам, устроили педсовет. Для первокурсников это означало трехчасовой перекур, во время которого Порри демонстрировал всем желающим, как работает джойстик. Поскольку компьютера под рукой не было, вместо джойстика Гаттер использовал собственную волшебную палочку, а в качестве управляемого элемента выступил безропотный Дубль. Зрелище было настолько захватывающим, что вскоре выстроилась очередь из желающих освоить «джойстик». Предприимчивый Сен тут же организовал кассу и наладил прокат Дубля по всем правилам.

– Не толпиться! – важно покрикивал он. – Не больше двух минут в одни руки! Учтите, тарификация по двенадцать секунд!

Мерги, у которой была своя доля в этом бизнесе, быстро пресекла попытки поуправлять ее Дублем с помощью посторонних палочек, после чего ухватила Порри за локоть.

– Отойдем-ка на минутку, – сказала она.

Гаттер и Пейджер переместились к вагончикам.

– Вот что, Гаттер. Шутки шутками, но Развнедел не способен такое устроить. Ты же понимаешь, что этот недотепа и увалень не сумел бы одурачить Сьюзан МакКанарейкл?

Порри задумчиво уставился на изможденную почтовую сову, которая уже неделю кормилась при студентах. Сова была исшлепана штампами: «Адресат выбыл», «А мне-то что?», «А я говорю, выбыл адресат!», «Ваши проблемы» и тому подобными. Бедная птица решительно отказывалась улетать, научилась видеть днем и подрабатывала в сельсовете курьером на местных маршрутах.

– Но Развнедел думает, что это он, – наконец сказал Гаттер. – А раз он сам не мог такое сделать, значит... значит... им кто-то управлял, как...

– ...как мы Дубом, – закончила Пейджер. – А кто это мог быть, кроме... Ложись!

Порри и Мерги нырнули за картофельную гору, а из ближайшего вагончика (оказалось, педсовет проходил именно здесь) вышли Югорус Лужж и Сьюзан МакКанарейкл. Точнее, вышла только МакКанарейкл, ярый приверженец магии Лужж выплыл на большом банном полотенце.

– Вот видите, Сьюзан, – ласково говорил Югорус (рта он при этом не раскрывал, а слова вылетали из клюва сидевшей на плече огромной черной совы), – все и разъяснилось. Просто дурацкий розыгрыш с помощью ярмарочного пугатора,

купленного у какого-то иммигранта...

– Вы полагаете, меня можно напугать дешевым ярмарочным пугатором?! – кипела МакКанарейкл.

Судя по возникшей паузе, Лужж именно так и думал. Кстати, Порри тоже.

– Ну ладно, я скажу, – вдруг произнесла Сьюзан поникшим и почти человеческим голосом, – только это между нами. Ни Развнедел, ни какой-то там иммигрант не могли знать, что Тот-подлый-тип называл меня Воробушком... Этого никто не мог знать...

Тут Порри с изумлением выяснил, что безбашенные деканы тоже умеют хлюпать носом.

Проводив растерянным взглядом деканов, Порри обернулся и увидел, что Мергиона как-то странно на него смотрит.

– А ты бы так смог? – спросила она.

– Как?

– Ну вот так. Через много лет.

– В смысле?

– Дурак ты, Гаттер.

После чего Порри с привычным изумлением обнаружил, что хулиганствующие ведьмочки умеют хлюпать носом не хуже, чем безбашенные деканы.

Обучение работе с «джойстиком» достигло кульминации, многие уже встали в очередь по третьему разу, когда на поле появилась деканская свита во главе с ректором. Все выгляде-

ли так, как будто ничего не произошло: МакКанарейкл зорко оглядывала окрестности в поисках нарушителей, Развнедел бессмысленно тарасился на студентов, Лужж отрешенно прислушивался к астралу – как раз передавали новости.

Бубльгум откашлялся. В воздухе противно засвистело.

– Дети мои! – начал ректор, дождавшись тишины.

Над полем пронесся стон. Начало «Дети мои!» означало двухчасовую лекцию. Студенты еще согласились бы на «Друзья!» (энергичный спич на сорок минут) или «В последнее время у нас участились...» (получасовая нотация), но «Дети мои» в данной ситуации были явным перебором.

Ректор чутко уловил настроение студентов, а также тычок острым локотком со стороны мисс МакКанарейкл.

– Вы славно поработали, а теперь пора и за учебу, – сказал он. – Сегодня вечером возвращаемся в Первертс. Чертекаку за... хм, оплошность его декана, минус 500 баллов. Все.

Всеобщее ликование нарушил негодующий голосок Кряко:

– А урожай? А битва?

«А ежедневные отчеты про подвиги любимого Порри?» – хотел добавить он, но вовремя сдержался.

– Урожай? А, ну да, конечно! – Бубльгум похлопал по карманам мантии в поисках палочки. – Югорус, будьте любезны!

Погруженный в свои думы Лужж вздрогнул, начертил палочкой в воздухе замысловатую фигуру и снова остекленел

взглядом.

Со всех сторон раздались чпокающие звуки. Из земли, в том числе и там, где уже прошла уборочная техника, словно пробки из шампанского, начали выскакивать картофелины. Урожай неспешно направился в сторону бункеров, по пути сортируясь по размеру и форме.

Из недр опустошенного поля раздался трубный вой тысяч обманутых колорадских жуков.

– Так что это, мы зря корячились? – спросил Порри, проводив взглядом картофельный косяк. – Ректор все это мог за пять секунд убрать!

– Мог, – согласился Сен. – Но после уборочной ворожбы на полях остаются правильные концентрические круги, а соседям Бубльгума это не нравится. Они начинают жаловаться на инопланетян, писать в газеты, приезжают уфологи...

– Погоди, – перебил его Порри, – а соседи-то здесь при чем?

– Разуй глаза, солнышко! – рассмеялся всезнающий Аесли. – Мы уже три недели торчим на бубльгумовой даче, убирая бубльгумовую картошку!

– Какое свинство, – присоединилась к беседе Мерги. – У мудлов с их техникой и компьютерами наверняка все по-другому. Правда, Гаттер?

– По-всякому, – замялся честный Порри.

– Вы уж очень плохо о Бубльгуме не думайте, – заметил Аесли. – Сам он мало съедает, почти все по весне отдает

на благотворительные нужды. Буманитарная помощь чукотским шаманам и все такое...

– Эй, мелюзга! – Мисс МакКанарейкл снова взяла руководство в свои руки. – Хватит языки чесать! Кто за вас здесь порядок наводить будет, Гэндальф?³⁵ Ну-ка, бегом! Пейджер! Да останови ты своего... напарника!

Мерги завертела головой в поисках Дуба. Неутомимый Дубль в поисках исчезнувшей картошки зарылся в землю метра на полтора.

Через два часа, когда уже стемнело, на освещенное луной опустевшее картофельное поле примчался худой высокий всадник. Он был закутан в потрепанный серый плащ с выцветшей руной «Г» и полустертым инвентарным номером. Сокрушенно покачав длинной седой бородой, всадник спешил, выставил вперед длинный кряжистый посох и, попыхивая трубкой, принялся сводить правильные концентрические круги.

---

³⁵ Еще одна фигура речи, британский вариант фразы: «А кто посуду мыть будет, Пушкин?»

Глава 8. Крах Каменного Философа

– Что это такое, мистер Гаттер! Что это такое? – Сьюзан МакКанарейкл уже даже не шипела, а рычала, размахивая перед носом Порри черной коробочкой.

– Это пульт дистанционного управления, – пояснил Порри и заранее зажмурился, – на больших интегральных микросхемах.

– На каких?!

– На больших. Хотя на самом деле они маленькие, построены на 0,13-микронных технологиях...

– Я категори... – завизжала преподавательница на такой высокой ноте, что сорвала голос. Она откашлялась (со стороны казалось, что МакКанарейкл отплевывается) и яростно просипела:

– Я категорически запретила тащить на урок всякую

дрянь, не связанную с изучением заклинаний!

– Но эта дрянь как раз связана, – смиренно произнес Порри, – с ее помощью я заставил летать табуретку. Видите, там под сиденьем – компактное антигравитационное устройство...

Профессор развернулась к висящей табуретке, на которой первокурсники осваивали простенькое заклятие *Аэробус-надуватус*, и взмахнула палочкой. Мебель послушно перевернулась, демонстрируя классу банку из-под леденцов «Сюрприз»³⁶ с торчащими из нее проводками.

Стало так тихо, что все услышали хип-хоп, наярывающий в чудо-плеере Мергионы. «Отпетые волшебники» как раз грянули разухабистое: «Давай-давай, иди колдовай!», но, почуввав неладное, заткнулись.

Кто-то из слезайблиннцев осторожно хихикнул.

– Не вижу причин для веселья! – грохнула табуреткой об пол Сюзан. – Минус двести баллов Слезайблинну! И минус... пять мистери Гаттеру. Условно. А после уроков будьте любезны навестить мистера Мистера Клинка.

Мистер Мистер³⁷ Клинка радостно заулыбался, увидав Порри. Этот угрюмый здоровяк с переломанным носом до

---

³⁶ «Сюрприз» – волшебные леденцы с непредсказуемым вкусом, изобретенные в XIX веке Тетралем Квадритом. Именно будущий премьер-министр первым сообразил, что некондиционные кондитерские изделия выгоднее не выбрасывать, а продавать; ему же принадлежит гениальная идея сыра с плесенью.

³⁷ Мистер (*устар.*) – достаточно редкое волшебное имя, произошло от английского Mysterious (Непостижимый).

смерти пугал первокурсников одним своим видом. (Другим своим видом он любил пугать хорошеньких барышень.) Поговаривали, что все ведра, грабли и веники школы волшебства – это бывшие ученики, превращенные Клинчем в инвентарь за то, что сорили в неположенных местах. Но к Порри Гаттеру школьный завхоз относился с заботливостью старшего брата. С появлением чудесного мальчика Клинч совсем перестал заниматься грязной работой, поскольку строптивый первокурсник регулярно отбывал трудовую повинность за нежелание честно заниматься магией.

Что и говорить, пытаясь довести преподавателей до собственного отчисления, Гаттер трудился не покладая рук. На введении в специальность Порри проводил лингвистический анализ примитивных заклинаний, на занятиях по уходу за магическими животными устраивал лавинообразную направленную селекцию по всем законам генетики, а безобидную прорицательницу Фору Туну довел до заикания своими требованиями сообщить доверительную вероятность и приборную погрешность прогнозов на будущее.

Пока все усилия Порри пропадали даром. Благодаря Мак-Канарейкл он почти не получал штрафных баллов, зато порции трудотерапии доставались Гаттеру ежедневно.

– Здорово, Настрадамус! – жизнерадостно приветствовал мальчика Клинч. – Настродался на уроках, решил со шваброй отдохнуть? Ха! Шутка! Сам придумал. Ну и куда тебя сегодня определить? Даже и не знаю, куда тебя опреде-

лить. Чердак – и тот мы уже отмыли.

Порри невесело усмехнулся. Отмывка чердака считалась самым противным наказанием, потому что при этом запрещалось прибегать к какой-либо магии. Но запрета на синтетические моющие средства не было, и Гаттеру удалось навести полный ажур всего за полчаса. Теперь чердак сиял, как зеркало и вонял, как авария на заводе по производству аммиака.

– Тэ-э-э-к, посмотрим, что у нас осталось... – завхоз прикрыл глаза, делая вид, что он магически осматривает весь Первертс; на самом деле волшебником Клинч был весьма посредственным. – Есть! Есть еще два объекта, которые нужно привести в порядок: комната с маркировкой Ж на шестом этаже...

– Я согласен на второй объект! – торопливо объявил Порри.

– Ты-то согласен, – веско произнес Клинч, – да вот инструкция не согласна. Студенты не имеют права чистить Каменного Философа.

Нерадивый первокурсник приуныл. Второй вариант был нереальным, а значит, перспектива ночной работы в девчоньем сортире становилась неотвратимой.

Каменный Философ, гордость и талисман школы, представлял собой скульптуру, стоящую на постаменте в Зале Трансцендентальных Откровений. Больше всего он напоминал роденовского «Мыслителя», которого Гаттер однажды

увидел на сайте, посвященном трехмерной графике. Правда, Каменный Философ не подпирал рукой подбородок, как мудловская статуя, а чесал этой рукой в затылке, но в остальном все было очень похоже – и поза, и выражение лица.

Каменный Философ считался существом чрезвычайно разумным, а его пророчества – непогрешимыми. Например, в самый разгар Гражданской войны в США он уверенно заявил: «Эти парни своего не упустят!» Уточняющие вопросы Философ проигнорировал. Не удалось выяснить и к чему, собственно, относились его судьбоносные фразы: «Не хотел бы я оказаться на его месте», «Ничего-ничего, дальше; будет хуже» и «Необходимость этого была обусловлена»³⁸. Тем не менее, все сказанное тщательно протоколировалось и становилось предметом бурных дискуссий, а также огромного количества докторских диссертаций.

Кроме того, Каменный Философ под настроение мог превратить золото 583 пробы в золото 585 пробы, а в школе выполнял две важные функции: был очистным сооружением и раз в год (на 1 мая) производил волшебные тортики.

Одним словом, о том, чтобы сменить позорную и грязную работу на относительно приятную и интересную, не приходилось и мечтать. Но, видно, не зря Порри провел столько вечеров, заменяя Клинка на постах ассенизатора и уборщика.

---

³⁸ Авторы официально заявляют, что они не имеют в виду какое-либо консалтингово-аналитическое агентство.

– Не бойсь! На всякую инструкцию есть своя обструкция! Стихи. Сам придумал! – здоровяк хлопнул мальчика по плечу. – Сегодня по школе дежурит Харлей, так что пойдем чистить Философа!

Порри ожидал, что Клинч отправится к Харлею выпрашивать разрешение, но тот устранил проблему более простым способом. Завхоз подкрался к приоткрытой двери с надписью: «Дежурный преподаватель» и, сложив руки трубочкой, издал жуткий протяжный вой. Дверь судорожно захлопнулась.

– Призывный вой собаки Баскервилей во время поиска пары, – довольно пояснил Клинч. – Собаке – собачья жизнь. Народная мудрость! Сам придумал. Теперь мы дежурного до утра не увидим. Пошли в зал.

Клинч и Гаттер завернули за угол и едва не сшибли с ног Югоруса Лужжа. Впрочем, профессор сам был виноват – материализовался прямо у них перед носом.

– Порри! – закричал он, не успев еще полностью появиться. – Скажи, что это неправда!

– Это неправда, – сказал Порри, которому надоело расстраивать бедного профессора.

– Я так и думал! Здравствуйте, Клинч, вы, как обычно... да. Я ни секунды не сомневался! – профессор просто сиял от счастья. – Я знал, что это поклеп!

– Это поклеп, – согласился Порри, рукой прикрывая глаза от яркого света, исходившего от Югоруса, – а что это?

– Некоторые недалекие преподаватели утверждают, что у тебя сова не волшебная и даже не живая. Они сказали, что твоя сова... железная! Это ведь не так? – Лужж заволновался, и сияние стало напоминать северное – волнистое и мерцающее.

– Это не так, – ответил Порри и едва не ослеп от вспышки радости на лице Югоруса, – железо слишком тяжелый металл. Пришлось использовать дюраль³⁹.

К счастью, профессор дематериализовался, не дослушав Гаттера.

В Зале Трансцендентальных Откровений было тихо и пусто. Лишь у подножия Философа копошился Ухогорлонос. Это диковинное существо, состоявшее из уха, горла и носа, было абсолютно безмозглым, зато великолепно запоминало все звуки и могло воспроизвести их в мельчайших подробностях. Перемещался Ухогорлонос с помощью длинного и мускулистого носа.

– Что, Брюхогландыхвост, записываешь гениальные мысли нашего вождя и учителя? – спросил Клинч, и создание тут же наострило уши, прочистило горло и внимательно выпятило нос. – Что новенького он выдал сегодня? *Воспроизведемус!*

Ухогорлонос откашлялся, секунду помедлил и произнес задумчивым глубоким голосом:

---

³⁹ Художественное преувеличение. Авторы пробовали – дюраль тоже слишком тяжелый. Может, алюминивно-литиевый сплав 1460?

– Зря ты сюда пришел, маленький мальчик. Именно здесь тебя и найдет В... В... В... В... В...

– Опять заело, – проворчал мистер Мистер, – давно собираюсь окунуть его в кипящее масло... *Отдыхамус!*

Ухогорлонос покорно опустил уши и затих.

– В.В.? Враг Волшебников? – пролепетал Порри, и ему показалось, что земля уходит из-под его ног.

Клинч успел подхватить мальчика, прежде чем древняя плита под его ногами окончательно раскрошилась.

– Если Бубль не выбьет фонды на ремонт, мы тут все поубиваемся без всяких В.В., – проворчал он. – Не бери в голову. Этот старый истукан еще ни разу не сказал ничего путного. Оклемался? Тогда берешь тряпочку и аккуратненько, легонечко протираешь этого каменного парня. Давай! А я пойду на шухере постою. И имей в виду – никакой магии. То есть что это я говорю! И никаких твоих этих штук.

Сердце Порри стучало как бешеное, но он взял в руки сначала себя, потом тряпку и осторожно провел по плечу Каменного Философа. Ничего страшного не произошло, не взорвалось, не заверещало. Ухогорлонос продолжал тихонько вздыхать, уткнувшись носом в пол, высоко под потолком, как всегда задумчиво, покачивался Висельник⁴⁰. Порри стер пыль со спины. Хотя все оставалось по-прежнему спокой-

---

⁴⁰ Фирменное привидение Орлодерра, выгодно отличающееся скромностью и интеллигентностью от призраков других факультетов – Утопленника (Слезайблинн), Отравленника (Гдетотаммер) и Парашютиста (Чертекак).

ным, мальчик старался прикасаться к статуе как можно аккуратнее и легче. Именно это стремление и сыграло с ним злую шутку: когда Порри добрался до подмышек (почему-то ужасно грязных), Философ вдруг дернулся, захихикал и, потеряв равновесие, попытался опереться на плечо Гаттера. Мальчик отскочил, а статуя, крикнув неожиданно тонким голосом: «Грядет! Грядет!...», неуклюже замахала каменными ручищами и действительно грянулась оземь.

Порри застыл от ужаса. Словно во сне он увидел страшную трещину в виде молнии, которая зазмеилась у Философа на затылке. Еще одна трещина, в форме перекрещенных костей и черепа, отделила торс статуи от ее ног. Ухогорлонос подпрыгнул и, лавируя между фалангами пальцев, осколками могучего лба и вставными зубами, улепетнул в угол.

– Олух безрукий! – загремел над Гаттером голос Клинча. – Я же сказал: аккуратненько и легонько!

– Я легонько, – пролепетал Порри, – мистер-мистер, я не виноват. Он сам дернулся, когда я начал протирать подмышки...

Клинч застонал.

– Ты не только безрукий олух, но и безмозглый! И еще безглазый! Читать не умеешь? – завхоз сунул проштрафившегося студента в кусок картона, на которой большими бурыми буквами было намалевано:

Под мышками не протирать!

Опасность защекотывания!

!!!

Клинч с чувством сплюнул, произнес несколько ярких, но недействующих заклинаний (Гаттер слышал их когда-то от дяди Петроффа) и перешел на нормальную громкость.

– Ладно, могло быть хуже.

– Меня могло убить? – всхлипнул Порри.

– Это бы еще ничего! Могла Канарейка увидеть.

– Не Канарейка, а МакКанарейкл, точнее, мисс МакКанарейкл, – раздался пронзительный голос, который горе-уборщики меньше всего желали слышать. – А еще точнее – мисс МакКанарейкл, которую поднял с постели ополоумевший дежурный, перепуганный якобы сбежавшей собакой Баскервилей. И уж совсем точно – мисс Сюзан МакКанарейкл, которая устроит вам обоим очень большие неприятности! И если быть предельно точными! По сравнению с этими неприятностями! Собака Баскервилей! Покажется вам!..

За спиной декана кто-то вежливо кашлянул. Все обернулись. В дверях стоял Бубльгум, из-за плеча которого выглядывал дрожащий Харлей.

– Что вы так расстроились, Сюзан, – мягко сказал ректор, – ну подумай, пропала собака. Развесим объявления, пообещаем вознаграждение...

И тут Бубльгум увидел пустой постамент из-под Каменного Философа. Глаза ректора расширились, он пробормотал что-то вроде «черт меня подери» и чуть было не перекрестился. Никогда Порри не видел великого волшебника таким

растерянным (да что там, никто и никогда не видел Бубльгума хотя бы капельку растерянным!), и только сейчас мальчик полностью осознал, какое ужасное преступление он совершил.

– Уйдите все, – глухо произнес глава Первертса. Лицо его быстро темнело. – Уйдите от греха. Мисс МакКанарейкл, заберите... остатки нашей реликвии. И попытайтесь что-нибудь сделать.

Декан Орлодерра фыркнула, резко запахла ночную мантию, на мгновение продемонстрировав немного больше, чем того требовали обстоятельства, развернулась и стремительно вышла из зала. Обломки Философа потянулись за ней, вслед за обломками из зала вытекли Клинтч, Гаттер и Харлей. Заинтересовавшийся происходящим Висельник спустился было пониже, но, разглядев выражение лица ректора, в ужасе вскарабкался по призрачной веревке и просочился на чердак.

– Именно так, – сказал расстроенный Харлей, осторожно переступая спящих в коридоре гдетотаммерцев, – и выглядит собака Баскервиль во время поиска пары. А что делать? Хуже может быть только собака Баскервиль в момент делжки добычи. Завтра на педсовете увидите.

Кого имел в виду преподаватель обращения с магическими животными, Порри не понял, но уточнять не стал. Вернее, не смог. Он вообще был не в состоянии выдать из себя хотя бы звук. В какой-то момент мальчику показалось, что

по темному коридору за ними молча идет кто-то четвертый. «Хорошо бы это был Мордевольт», – подумал Порри, но ни разу не обернулся.

На следующее утро вся школа гудела. Слухи, один фантастичнее другого, передавались за спиной Гаттера свистящим шепотом. До него доносились только обрывки фраз: «...шарахнул молнией прямо в Канарейку», «...а его папа, оказывается – Мордевольт!» и «Смотри, смотри – она у него тень забрала!»

Порри даже не стал смотреть, что там у него с тенью. Гаттер вообще был не похож на себя и на всех уроках безропотно выполнял требуемые школьной программой колдовские действия. В другой день преподаватели были бы вне себя от счастья, но сегодня бывшего героя упорно не замечали.

– Порри, ты, часом, не заболел? – изумился Сен Аесли, когда на занятиях по выдушиванию мудлов из необходимых магам помещений Гаттер не стал заменять наведенную галлюцинацию голографической картинкой.

– Лучше бы я умер, – ответил Порри, взбивая из двух несложных заклинаний призрак Кровавой Мэри.

– Вряд ли ты так просто отделаешься, – заметила добрая Пейджер.

На последний урок – к Югорусу Лужжу – мальчик просто не пошел. Ему было жалко этого доброго дядьку, который из всех сил пытался привить Гаттеру если не любовь, то хотя бы уважение к магии. Забавный старичок, который да-

же зубы чистил специально составленным заклинанием, проводил с мальчиком долгие душеспасительные беседы с демонстрацией массы полезных, интересных и просто красивых заклинаний. За месяц учебы Порри узнал о волшебстве больше, чем за всю предыдущую жизнь, но упрямо продолжал конструировать свои электронные поделки и смешивать взрывоопасные коктейли вместо зелий.

Хуже всего, что Гаттеру декан Слезайблинна нравился все больше и больше. Да и заклинания под его чутким руководством разучивались будто бы сами собой и даже начинали доставлять Порри удовольствие, в чем он, конечно, ни за что бы не признался.

Одним словом, провинившийся студент так и не смог заставить себя показаться перед печальными глазами профессора Лужжа. Вместо этого он побрел в злосчастный Зал Трансцендентальных Откровений.

Горестно вздохнув, Гаттер прошел мимо торчащего в центре пустого постамента и уселся у боковой стены перед Зеркалом Исполнения Желаний. За пару косых эта штука могла продемонстрировать исполнение любой, самой экстравагантной мечты. Сначала Порри увидел себя в роли Нобелевского лауреата по химии, потом и по химии, и по физике, потом в номинации «За выдающийся вклад во все науки», потом зеркало выдало душещипательную картинку: дряхлый Билл Гейтс выпрашивает у «уважаемого доктора Гаттера» автограф на коробке Windows PG. Последний кадр получил-

ся неожиданным: Порри сидит дома на диване, листая любимый PC Magazine, а на коленях у него – кот Кисер, постоянно старающийся положить хвост именно на ту строчку, которую мальчик собирается прочесть. Гаттер собрался бросить еще монетку в прорезь зеркала, чтобы посмотреть, чем там закончится, но в это время в зал вошел Бубльгум.

Самообладанию ректора можно было только позавидовать. Никаких следов ночного потрясения, такой же, как всегда, спокойный и уверенный в себе волшебник с умными и добрыми глазами.

– Так и думал, что ты здесь, – сказал Бубльгум («Конечно, преступник всегда возвращается на место преступления», – подумал Порри). – Пора идти на педсовет.

– Профессор Бубльгум, меня отчислят? – спросил Гаттер.

– А ты все еще хочешь, чтобы тебя отчислили? – вопросом на вопрос ответил ректор. – Что-то мне так не кажется. Иди, не заставляй своего декана ждать. А то превратит в Мальчика-с-Пальчик, потом набегашься...

Старательно размышляя над тем, чего же ему теперь на самом деле хочется, Порри покинул зал. Бубльгум остался у постамента, почесывая прильнувшего к нему Ухогорлоноса за ухом.

Когда Гаттер постучался в учительскую, педсовет уже начался. Первый удар, судя по всему, принял на себя пришедший вовремя Клинч. Он был цвета замерзшей кока-колы: темно-красным с вкраплениями мертвенно-белого. На во-

просы завхоз не отвечал, на оскорбления не реагировал, не шевелился и, возможно, не дышал.

– А вот и наш любимчик! – вскричала МакКанарейкл, увидев Порри. – Спасибо, мистер Гаттер, за то, что нашли минутку! Мы вас ни от чего не оторвали? А вы ничего не оторвали от какой-нибудь нашей реликвии? Не заложили этот... динамут в кабинете ректора? Не залили какой-нибудь гадостью библиотеку инкунабул? Какой неудачный день! Извините, мистер Гаттер!

– Сюзи, вы же видите, мальчик и так переживает, – подал голос Харлей.

– Переживает? Он-то переживает, а вот переживем ли мы все его фокусы?!

– А я думаю, это Клинч виноват, – вмешался Развнедел. – Есть же инструкция по уходу за Философом, утвержденная самим Тетралем Квадритом. Хотя я ему говорил: «Тет, а Тет...»

– С Клинчем все понятно! – перебила его Сюзан. – По нему давно плачет Безмозглон. Что вы предпочтете, многоуважаемый мистер Мистер, – «Дорогу к свету» или «Запоздалое раскаяние»?

Клинч наконец подал признак жизни – сдавленный хрип. Безмозглон был возведен двенадцать лет назад в горах Шотландии для лечения обезмагнутых Мордевольтом волшебников. Поскольку к тому времени В.В. уже казался неистребимым, строили с размахом, и после внезап-

ного падения Того-имя-которого-еще-можно-найти-в-некоторых-учебниках-по-истории-магии второй корпус санатория остался незанятым. Тут, как нельзя кстати, случилось обострение политической обстановки, и в свободное отделение, многозначительно названное «Запоздалое раскаяние», начали отправлять на лечение очень провинившихся колдунов.

Официальной тюрьмы маги не имели, чем весьма гордились, но лучше бы у них была тюрьма. «Пациентов» Безмозглона пичкали ослабляющими и дурманящими заклинаниями, подолгу запрещали колдовать, за малейшую провинность лишали почтовых сов. Самым страшным были ментодеры – охранники Безмозглона. Их пятнистая униформа и отвратительные полосатые волшебные палочки наводили ужас даже на преподавателей Первертса.

В первом, привилегированном, отделении – «Дорога к свету» – до сих пор находились 664 жертвы Мордевольта. Им были созданы практически все условия: колдовизор, свежая пресса, бесплатные совы, турниры по софт-футбичу, сеансы групповой духотерапии... Одно не разрешалось обезмагнутым – покидать пределы Безмозглона. В их же интересах, разумеется, во избежание жестокой психологической травмы при столкновении с обществом полноценных волшебников. Оберегали несчастных от опасного внешнего мира все те же ментодеры.

Язвительная МакКанарейкл не зря предложила Клинчу

сомнительный выбор между отделениями. Завхоз Первертса и был тем самым недостающим 665-м пациентом «Дороги к свету».

Во время последней неудачной спецоперации по ликвидации Врага Волшебников, когда злодей положил сразу восьмерых магов-Арнольдов, Мистера Клинка (тогда – начальника Департамента Безопасности) рикошетом слегка задело фиолетовой искрой. Всех колдовских качеств Мистер не лишился, правда, те, что остались, были самыми примитивными. В другие времена это не уберегло бы Клинка от Безмозглона, но тут В.В. посетил роковой для него дом Гаттеров.

На радостях и по рекомендации Бубльгума мистера Мистера оставили на испытательный срок в Первертсе. Навыки, приобретенные на прежней службе, позволили Клинку моментально навести идеальный порядок в школе. Ну не идеальный, но, по сравнению с бардачным Дежавютоном, Первертс стал просто Образцом Отличной Работы Школьного Завхоза⁴¹. О том, что испытательный срок закончился девять лет назад, все давно забыли. И вот, вспомнили.

– Не переживайте, мистер Клинка, – вступила в разговор летучая лисица, сидящая на плече Югоруса Лужжа, – профессор МакКанарейкл это не всерьез, надеюсь. В первую очередь нам нужно что-то решать с мальчиком...

– Да выгнать его к чертям собачьим! – выпалила свою сокровенную мечту декан Орлодерра.

---

⁴¹ ООРШЗ

– Не согласен, – заметил Харлей. – Во-первых, черти собачьи в наших широтах не водятся, ареал их обитания – горы Афганистана⁴², а там сейчас...

– Не юродствуйте, Харлей! – закипела Сюзан.

– ...а во-вторых, он сам хочет, чтобы его выгнали. Значит, выполняя его желание, мы создаем положительный закрепляющий стимул, который переводит каприз ребенка в разряд категорических личностных императивов...

– Заткнись, Харлей, ладно? – не выдержал Развнедел. – Ну не ладится у парня с магией, может, он вообще неспособный? Расскажи, Сюзан, как он тебя последний раз с табуреткой, хе-хе-хе.

– А что было с табуреткой? – поинтересовался Бубльгум. «Вот это великий маг, – невольно восхитился Порри, – оказывается, он уже давно тут, а я и не заметил, чтобы он входил».

– А, – отмахнулась Сюзан, – вместо того, чтобы, как все нормальные люди, телепортировать ее, присобачил под сиденье свой ави... грави... анти... гратор...

– Антигравитатор?

– Как у вас язык повернулся, Бубльгум? – скривилась МакКанарейл. – Да, именно это слово.

– Хм, – Порри показалось, что ректор ухмыльнулся в бо-

---

⁴² Устаревшие сведения. В последнее время черти собачьи (*Demonicus Suscis*) распространились повсеместно, прекрасно адаптируясь к различным социально-политическим реалиям.

роду, – а не могли бы вы, уважаемый профессор, показать нам этот табурет? Вы его еще не привели в порядок?

– Да нет, времени все как-то не было. Текучка заела, понимаете ли, то талисман школы восстанавливать, то еще какая-нибудь мелочь... – Сьюзан небрежно черкнула в воздухе палочкой, и в центре преподавательской возникла злополучная табуретка.

Ректор бросил на мебель быстрый взгляд и уже открыто расплылся в улыбке.

– Так и есть. Посмотрите, Югорус.

Лужж что-то шепнул лисице, та вспорхнула с его плеча и вцепилась в потолок. Потом вскинул палочку, переворачивая табурет.

– Но я ничего не вижу. Здесь только...

Как всегда при осмотре электроники, декан Слезайблинна произвольно позеленел.

– Смотрите внимательно! – подбодрил его Бубльгум. – Неужели не видите?

– Да нет... Не понимаю... Невероятно! – Голос профессора задрожал. Лисица под потолком выполнила сальто-мортале. – Это же *Боингус-746-вертикалис-взлетус-зависатус*, совершенно новое заклинание! Я его сам недавно сконструировал! Как я мог забыть, что рассказал об этом Порри! Буквально два дня тому! Смотрите, до чего изящно встроено! Если бы не ваш острый глаз, профессор Бубльгум, я бы в жизни не заметил!

Казалось, Югорус вот-вот начнет подпрыгивать на одной ножке. Профессура сгрудилась над табуреткой и принялась пристально вглядываться. Время от времени то один, то другой восклицал: «Ага, вижу!» и восхищенно прищелкивал языком. Порри было невыносимо стыдно, как будто его поймали на грубом вранье. Строго говоря, так оно и было.

Когда преподаватели налюбовались работой Гаттера (над табуреткой остался хмуриться один Развнедел, который, похоже, так ничего и не понял), ректор продолжил:

– Сюзан, если бы вы читали не только журналы мод, но и неколдовскую прессу, то знали бы, что антигравитация пока не изобретена, и мальчик просто водит вас за нос.

– И что, его за это по головке погладить?! – ошетибилась МакКанарейкл.

– Можно на тысячу-другую баллов оштрафовать, – ехидно предложил Развнедел.

– Успокойтесь, Сюзан, штрафовать мы не будем. Смысла нет. – Ректор оценивающе перевел взгляд с Порри на Клинча. – А вот как наказать провинившихся – быстро, без особых жестокостей, но с максимальным воспитательным эффектом – я, кажется, знаю.

Выдержав эффектную паузу, Бубльгум произнес только одно слово:

– Бэбиситтинг.

Клинч с громким деревянным стуком упал на пол⁴³.

---

⁴³ Непонятно, что имели в виду авторы. Возможно, они хотели сказать: «Клинч

с громким стуком упал на деревянный пол». Впрочем, наше дело маленькое. – *Примеч. редакторов*.** Да не делали мы такого примечания! – *Примеч. редакторов.*

Глава 9. Бэбиситтинг

Командир экипажа, перекрикивая рев летящего дракона, предупредил:

– Ближе подлетать нельзя! Через милю – Бэби-Сити. Я говорю, через милю! Спустись пониже – и прыгайте!

– А как вы нас обратно будете забирать?! – прокричал Порри. – Мы что, на дракона запрыгивать будем?!

– Ну, если до обратного пути дойдет... – пилот с сомнением покачал головой. – Придется сбросить вам лестницу... Лестницу, говорю! Все, высаживайтесь, даже тут долго висеть опасно! Сваливать, говорю, нам отсюда надо!.. Инструкцию помнишь?!

– Да!.. – заорал Порри, покосившись на безмолвного Клинка. – Прыгнуть, досчитать до десяти, потом произнести *Неикарус-расшибалус-адедалус-приземлялус!*

– Обязательно до десяти! – закивал командир. – А то хвостом заденет. Ну, пошел!

Свободное падение оказалось очень приятной штукой. Через десять секунд Порри с сожалением произнес заклинание, которое превратило захватывающий полет в медленное и скучное парение. Гаттер огляделся и обнаружил, что завхоз опускается далеко в стороне. Видимо, пилотам понадобилось некоторое время, чтобы вытолкать Клинка из люка.

Порри засек направление и сразу после приземления бодрым шагом направился к напарнику, которого обнаружил под ободранной елью в совершенно разбитом состоянии. Либо Клинка от страха забыл заклинание, либо воспользовался им слишком рано и попал под шипастый драконий хвост.

Порри вздохнул. Все технические приспособления и реактивы у него отняли на драконодроме, поэтому пришлось лечить стонущего Клинка с помощью ворожбы. Гаттер ограничился общеукрепляющим заклинанием *Ничего-не-больно-курица-довольна* и обработал царапины с помощью *Пенициллинус-дезинфицирус*, которому его обучил страшно обеспокоенный Югорус Лужж перед самым отлетом. Когда Клинка оказался в состоянии кое-как ковылять, компания двинулась в Бэби-Сити.

– Вот не везет так не везет, – с первых же шагов начал ныть бывший начальник Департамента Безопасности. – А все из-за тебя! А я раньше знаешь, кем был? Меня знаешь, кто боялся? Меня все боялись! Да я сам себя боялся. Бывало, вста-

ну утром, гляну в зеркало – и бежать...

Беседуя таким образом (после падения из Клинча начисто вышибло все его рифмованные афоризмы), они за полчаса добрались до большого красного щита, на котором значилось:

Бэби-Сити

Посторонним вход воспрещен

Да и своим мы не советовали бы...

По правде говоря, запрещение входить в Бэби-Сити было излишним. Ни один колдун в здравом уме по своей воле не приблизился бы к этому населенному пункту, который был не чем иным, как большим детским садом.

В Бэби-Сити выхаживались и воспитывались магические малыши, не имевшие возможности жить с родителями. Когда-то основной контингент заведения составляли дети тех несчастных, которые подвернулись под руку, вернее, под Трубу Мордевольта. Теперь здесь подрастали беспризорники⁴⁴, подкидыши⁴⁵, а чаще всего – дети, чьи родители подолгу ездили в командировки в Астрал.

Всем известно, что с маленькими колдунчиками шутки плохи. Лишь один раз об этом забыл Тот-кого-боятся-все-взрослые и жестоко за это поплатился. Даже один волшебный карапуз требует постоянного внимания и неусыпной бдительности, а когда их собирается несколько десятков...

---

⁴⁴ Беспризорники – волшебнята, которые сбежали от родителей-мудлов.

⁴⁵ Подкидыши – волшебнята, от которых сбежали родители-мудлы.

Неудивительно, что текучка кадров среди воспитателей и нянечек была огромная. Персонал почти полностью состоял из «практикантов», то есть молодых магов, которые отработывали свои грехи и провинности. Бэбиситтинг был суровым наказанием, непосредственно связанным с риском для здоровья и жизни.

Прощтрафившиеся волшебники на минуту остановились, чтобы собраться с духом, после чего решительно шагнули на истоптанную дорожку из желтого кирпича, которая, вычурно петляя, вела к десятку диковинных строений, издали напоминавших огромный букет хризантем. Оттуда доносились взрывы, шум падения тяжелых предметов и душераздирающие крики.

Приключения начались за первым же поворотом.

– Пливет! – сказал карапуз лет трех. – Ты будис моим конником! – и ткнул пухлым пальчиком в Порри.

– Я? – растерялся Гаттер, не ожидавший столь стремительного перехода к делу.

– Ты сто, не хоцис? – карапуз прищурился, и у Порри противно засосало под ложечкой.

– Хочу-хочу! – заверил он.

– Холосо! – милостиво согласился мальчуган, и Порри почувствовал, как у него отрастает хвост, а ладони округляются в копыта. «Ну что ж, – философски фыркнул он, – по крайней мере, ему не пришлось в голову сыграть в Тома и Джерри». Клинич за время разговора тихо отошел в сторонку

и пустился наутек.

– Питер! – раздалось откуда-то слева (рассмотреть получше мешала густая челка). – Как тебе не стыдно! Что ты сюсюкаешь, как маленький? Ну-ка, скажи нормально «хорошо»!

– Холосо! – упрямо повторил карапуз, и Порри понял, что пацан просто кривляется. – Холосо-хаясё-халася! Хи-ли-си!

Новая игра отвлекла Питера, и Порри с облегчением ощутил, что грива, копыта и хвост пропали. Теперь он смог увидеть своего спасителя – это был невысокий толстенький человечек в больших очках. Толстяк терпеливо выслушал все варианты слова «хорошо», кивая при каждой удачной попытке. Когда мальчик иссяк, он хмыкнул:

– Ну, раз ты такой маленький, придется не давать тебе мороженого, а кормить из сосочки, как грудничка.

– Мороженое? – абсолютно нормальным голосом переспросил Питер. – А где мороженое?

– Там, на голубой веранде, – махнул рукой человек в очках, – ну так что, тебя на ручках отнести?

– Сам дойду, – решил карапуз после некоторого колебания и деловито затопал прочь, не взглянув на Порри. Того это очень даже устроило.

– Здравствуйте! – толстяк наконец обратился к Гаттеру. – Вы, видимо, только что прибыли? Практикант на неделю? И за что к нам?

Порри кратко рассказал историю падения Каменного Философа, на всякий случай опустив историю с антигравитато-

ром.

– Картина ясна, – произнес человечек. – Думаю, вам у нас понравится. Как вас зовут? Порри? Очень приятно. А меня – дядя А.

– «А»? И все? Странное имя.

– Нет, имя мое обычное – Амфибрахий, но никто из детей не может выучить его хотя бы наполовину. Да мне и «дяди А» хватает. Привык за четыре года.

– Вы здесь уже четыре года? – поразился Порри. – Вы, наверное, директор?

– Нет, директора зовут дедушка Б, но он большей частью в столице, а я его замещаю. Ну что, пойдёмте, я вас куда-нибудь приспособлю. Пожалуй, к новеньким, это попроще.

По дороге дядя А поделился с Порри несколькими, как он выразился, «соображениями общего порядка»:

– Вы еще сами очень молоды, поэтому я дам вам несколько советов. С детьми ведь не так сложно, как кажется. Надо просто относиться к ним... ну, как к взрослым. Только как к очень э-э-э... проницательным взрослым, которые, к тому же, не скованы правилами хорошего тона и прочими надуманными условностями. Не врите им, не бойтесь сказать, что вы чего-то не знаете, не пытайтесь переупрямить. Просто переключите их внимание... Простите.

Дядя А остановился, глядя на долговязого практиканта, который, выставив перед собой волшебную палочку, пятился от крохотной девочки. Малышка, восседавшая на неболь-

шом белом слоне (судя по скорбному виду и длинным худым ногам последнего – еще одном практиканте), грозно надвигалась на врага.

– Наврал! – пищала она. – Мама мне написала, что ты наврал!

Здоровенный булыжник поднялся с земли и понесся в сторону практиканта.

Долговязый взмахнул палочкой, и камень, немного не долетев до его головы, рассыпался в мелкую щебенку. Затем в течение нескольких секунд атакуемый отразил скамейку, горку, качели, песочницу с песком, беседку и наконец крышу ближайшего дома. В пылу битвы практикант не заметил, как над его головой появилась чудовищных размеров кастрюля, которая начала медленно наклоня...

– Упс, – сказал Порри.

– Согласен, – отозвался дядя А.

Это был действительно «Упс». Настоящий, полновесный «Упс». «Упс», после которого человек уже никогда не сможет жить по-старому. Лавина густой, ароматной, дымящейся манной каши с комочками низверглась на практиканта, сразу ставшего похожим на наспех слепленную снежную бабу. Бедняга выронил палочку и замер, растопылив руки. Опустевшая кастрюля брякнулась на траву.

Дядя А вздохнул (как показалось Гаттеру, с нескрываемым удовольствием), подошел к всаднице, определенно собиравшейся проскакать по поверженному противнику на

слоне, и начал какой-то разговор. Девочка нахмурилась, несколько раз сердито что-то ответила, но вскоре милое личико разгладилось, она спрыгнула на землю и с невероятной скоростью умчалась в дом. Слон осторожно превратился в человека – это оказалась девушка в белом халате, по всей видимости, работница кухни. Недавняя слониха принялась водить дрожащей волшебной палочкой, снимая слои уже застывшей манки с незадачливого мага-воителя.

– Поразительная самонадеянность, – произнес дядя А, вернувшись к Порри, – сказать Эльвире, что если она не доест кашу, то никогда не вырастет. О чем мы беседовали? А, собственно, как раз об этом. Знаете, существует вполне обоснованное мнение, что при общении с сильными мира сего честность – лучшая политика. Ну а дети очень сильные, в чем мы только что еще раз убедились. А если правда может выйти боком, просто переключите их внимание на что-нибудь другое. Попробуй я отговорить Питера от игры в лошадки, вы бы сегодня до заката проскакали галопом. Ну-ну, не вешайте нос, бояться деток не стоит – еще хуже получится. Вот ваш товарищ убежал в рощу, а там, между прочим, Рыжая Пеппи третий день в пиратов играет...

– А что вы сказали Эльвире? – не утерпел Порри. – Или это секрет?

– Да какой секрет, – засмеялся дядя А. – Правду я сказал. Что если она сейчас затопчет Гудвина, то завтра уже не сможет хорошенько его погонять.

– Ух ты! То есть ух вы. А куда она убежала? За мороженым?

– О, да вы схватываете на лету, – хмыкнул воспитатель. – Нет. Наша кошка Хитрая Мордочка вот-вот должна окотиться, и я предложил Элли срочно проверить, вдруг уже... А вот, кстати, новенький малыш, как раз вам для разминки, – и дядя А показал на аиста, заходящего на посадку.

– Так что, детей действительно приносят аисты? – поразился Порри.

– Не в капусте же их находят⁴⁶! – усмехнулся дядя А.

Вновь прибывшая пятилетняя девочка была настроена решительно. Когда большая утомленная птица, отчаянно ругаясь, сумела-таки вырваться из цепких ручек и ускакать в кусты, малышка топнула ногой и запищала на одной ноте:

– Хочу к маме, а-а-а-а-а-а-а!

Капризюки сопровождались появлением огромного количества кактусов, которые стремительно полезли из земли со всех сторон.

Воспитатель выразительно подтолкнул Порри к девочке. Гаттер попытался вспомнить, чему его учил дядя А и, откашлявшись, сказал:

– А мороженого хочешь?

---

⁴⁶ Тут между авторами произошла бурная дискуссия по поводу того, можно ли считать факт отсутствия детей в капусте доказательством существования каких-то мифических аистов. Но все разумные и обоснованные аргументы одного из авторов так и не смогли пробиться через тупость и упрямство другого. Пришлось бросить монетку.

Девчушка смерила Порри презрительным взглядом, набрала новую порцию воздуха и заголосила на полтона выше. Один из кактусов воткнулся Гаттеру в левую ногу.

Дядя А стоял как ни в чем не бывало и, судя по всему, ждал, когда у капризули снова закончится воздух. Когда это случилось, он равнодушно произнес:

– Кто же так ревет? Это не плач, а недоразумение какое-то!

Девочка, вместо того, чтобы выдать новую порцию воя, внимательно посмотрела на взрослого. Рот она при этом держала открытым.

– Вот ты стоишь, – продолжал дядя А, – и воздух у тебя поэтому быстро заканчивается. И руки не работают, как положено. Надо лечь на спину. И воздуха больше наберешь, и руки будут свободнее, и ноги использовать можно.

Девочка, по-прежнему не закрывая рот, скосила взгляд себе под ноги. Вся полянка была густо утыкана кактусами. Лечь было решительно негде.

– Правильно, – сказал дядя А, – надо кактусы немного проредить. Порри, ты не знаешь, какой зверь быстрее всего поедает кактусы?

– Зеленый кактусоед, – уверенно ответил мальчик, – и еще красный кактусоед. Только я не знаю, как они выглядят.

– Может, наша гостья знает? Тебя как зовут?

– Анечка, – ответила гостья, торопливо открыла рот, подумала немного и закрыла его, но зато надулась. – Только я

не знаю никаких кактусоедов! Вы их сами придумали⁴⁷!

– Конечно, сами! – легко согласился дядя А, доставая из кармана лист бумаги и мелки. – Мы кактусоедов придумали, а как они выглядят, не придумали. Поможешь нам?

Через десять минут по зарослям кактусов шмыгала стая неуклюжих существ, состоящих в основном из кружочков и палочек. Впрочем, это не мешало им быстро и с хрустом уничтожать разросшиеся растения. Порри настолько увлекся этой игрой, что не заметил, как дядя А куда-то исчез. Поэтому мальчик откровенно растерялся, когда раскрасневшаяся Анечка требовательно дернула его за рукав и спросила:

– А где мороженое? Ты обещал!

«Честность – лучшая политика», – вспомнил Порри и честно признался:

– Где-то на голубой веранде, но я сам точно не знаю, где.

Девочка тут же насупилась и опасно засопела носом. В пятку Порри предупреждающе впиалась иголка растущего кактуса. Гаттер торопливо добавил:

– Я ведь сюда тоже только сегодня прилетел. На драконе.

– На настоящем? – вскинулась Анечка. – А ты расскажешь, как он летает? И огнем дышит?

– Конечно! Давай мы пойдем искать голубую веранду, а я

---

⁴⁷ Каково же было удивление авторов, когда один из консультантов сообщил им, что кактусоеды – это реальные мифические животные, которые живут в Мексике и питаются текилой. Удивление оказалось таким сильным, что текст остался неисправленным. Приносим извинения за допущенную фактологическую ошибку.

буду тебе на ходу рассказывать...

Неделя в Бэби-Сити пролетела как один день. Без всяких преувеличений – ни в одну из семи ночей Порри не спал, а если ночью не спать – то какая же это ночь? Сначала Хитрая Мордочка осчастливила весь детский сад шестью котятами, потом малышня до утра инсценировала ужасно понравившуюся им сказку о Всемирном потопе (Гаттеру на пару с долговязым практикантом Гудвином довелось побывать почти всеми тварями Ноева ковчега), потом со смехом и визгами ловили стр-р-р-рашное привидение Бэби-Сити – призрак Врачихи – и поймали-таки...

От полного истощения Порри спасли только краткие передышки во время тихого часа да мощное самозаклинание *Не-спатус-ато-замерзатус*, оказавшееся просто незаменимым. И действительно, не вовремя уснувший работник Бэби-Сити при пробуждении вполне мог обнаружить себя замороженным в айсберг или, наоборот, поджаривающимся на раскаленной кровати.

К концу своего короткого срока Гаттер с изумлением открыл истину, которая до многих волшебников доходит лишь к глубокой старости, – даже если абсолютно все делаешь правильно, от неприятностей ты все равно не застрахован. Убедили Порри в этом магические дети, которые время от времени попросту игнорировали его несомненные педагогические достижения, и, как своенравные греческие боги, начинали безжалостно крушить все, что попадалось у них на пу-

ти.

И если бы не дядя А, всегда появлявшийся в нужном месте в самый критический момент, после чего вулканическая энергия детишек волшебным образом оказывалась направленной в безопасное русло, Гаттер из Бэби-Сити живым бы не вышел – в этом он был убежден на 100 %.

– А может, останетесь? – утром восьмого дня дядя А с надеждой заглянул в глаза Порри. – У вас хорошо получается. Редко кто так легко сходится с детьми.

– Так я и сам... не очень-то взрослый, – напомнил Гаттер.

– Не в этом дело. Вы добрый и не смотрите на детей как на обузу. Оставайтесь, а? Или, по крайней мере, возвращайтесь.

Порри почувствовал, что постепенно становится красным, как буряк.

– Давайте лучше вы к нам! Будете преподавать у нас в Первертсе, ну... хотя бы технику безопасности! А то, говорят, каждый год преподавателя приходится менять – то палец прищемит, то с крыши упадет... Ой... Или лучше какую-нибудь белую магию.

Дядя А вытаращил глаза, неожиданно фыркнул и начал хохотать, хлопая себя ладонями по животу:

– Ну... Уморил... Магию, значит, белую! – воспитатель вытер глаза и сказал уже спокойнее. – Порри, вы, видимо, не очень наблюдательны. Я ведь не волшебник. Как это говорят у вас? Мудл, да?

– Вы – не волшебник? – теперь настала очередь Порри вы-

пучивать глаза в изумлении. – Но как же? Я же сам видел!..

– Видели – что? Я хоть раз произнес заклинание? Наколовал что-нибудь? У меня даже этой вашей палочки нет! – дядя А театрально развел руками. – Если бы я был волшебником, то, наверное, смог бы работать в яслях. Видели в стороне здание за бетонным забором, колючей проволокой и стационарной сферой Фигвамера? Вот где настоящий бэбиситтинг! Дети, которые еще не умеют ходить, но уже могут до всего дотянуться и познают мир на вкус... По сравнению с ними бесенята старше года – сущие ангелочки. А вот и напарник ваш.

Гаттер оглянулся. Клинч представлял собой странное зрелище. Левую ногу завхоза заменял деревянный протез, почему-то в форме куриной лапы, правая нога вместо ступни заканчивалась игрушечным самосвалом. Черная повязка, быстро перемещаясь по лицу, попеременно закрывала то правый, то левый глаз. В одной руке Клинч держал оранжевый костыль, в другой – здоровенный сундук. Сквозь разодранную тельняшку было видно исхудавшее тело, сплошь усыпанное черными квадратиками.

– Черные метки, – буркнул Клинч. – Флибустьеры чертовы. Пятнадцать человек на сундук мертвеца, о-хо-хо, и все такое. Песня. Сам придумал. Пошли скорее, пока у нее завтрак.

И завхоз застучал костылем по дороге из желтого кирпича.

– Вашему другу еще повезло, – сказал дядя А. – С сегодняшнего дня Пеппи играет в военного врача.

– Это очень хорошо, что вы не волшебник, – сказал Порри. – Вы даже не представляете, как это хорошо. Прощайте, дядя А.

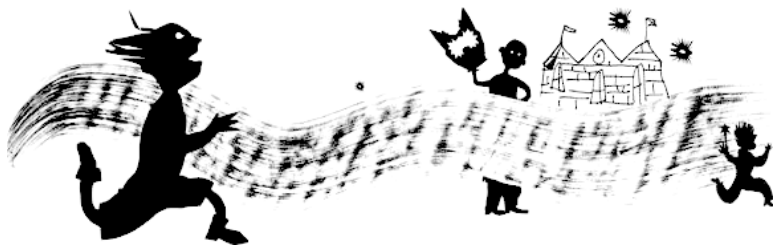
– До свиданья, Порри, – ответил дядя А и направился к гудящему на лужайке костру, на который группа ангелочков уже пыталась пристроить упирающегося практиканта Гудвина.

Когда Гаттер и Клинч наконец оседлали сброшенную с дракона лестницу (это удалось сделать только с пятой попытки – две лестницы разбились, а две не долетели до земли) и начали набирать высоту, далеко внизу раздался пронзительный голосок Анечки:

– А где Порри? Хочу к Порри! А-а-а-а-а-а!

Порри не удержался и оглянулся: Анечка лежала на траве и старательно молотила по ней руками и ногами.

Глава 10. Черная тень фиолетового цвета

Порри, конечно, не ждал, что его будут встречать с оркестром, но рассчитывал хоть на какое-то внимание. Когда при подлете к драконодрому он не обнаружил толпы встречающих, это его немного расстроило. Но когда Гаттер увидел, что у взлетной полосы нет вообще никого, стало по-настоящему обидно.

Клинч не разделял его чувств. Как только когти дракона коснулись бетона, завхоз, весь полет проболтавший о том замечательном времени, когда он отрастит ногу и «ого-го как загуляет», опрометью бросился в медицинскую башню.

– Нам года не беда, не помрем никогда!.. – донесся до Порри удаляющийся крик. – Мудрость! Сам придумал...

Войдя в замок, Гаттер вдруг понял, что соскучился по этим замшелым стенам, вечно обваливающимся лестницам,

толпам студентов. Правда, толп студентов по непонятной причине не наблюдалось. Учащиеся проскальзывали мимо по одному или по двое, стараясь поплотнее прижаться к стенке. «Ладно, разберемся на месте», – решил Порри и двинулся к спальному корпусу.

Отсутствие встречающих на драконодроме было с лихвой компенсировано в спальне. Стоило Гаттеру открыть дверь, как на него, возбужденно хлопая крыльями и стуча клювами, набросились сразу пять почтовых сов: его собственный дюралевый филин Филимон, мамина Генриетта и три мелких, но тяжелых спамовых⁴⁸ сычика, обвешанных рекламными рассылками типа: «Это не спам, мамой клянусь», «Срочно нужен диагональный астралогенератор, можно б/у» и «Древнерумынский за три недели». Все птицы, включая Филимона, требовали еды.

Раньше такое массированное нападение поставило бы мальчика в тупик и, может, даже обратило в бегство, но неделя бэбиситтинга воспитала из Гаттера настоящего бойца. Порри молниеносно выхватил волшебную палочку и вскрыл стоявший в углу пакет «Совискаса»⁴⁹.

Совы, радостно клекоча, набросились на рассыпавшиеся

---

⁴⁸ Спам – это когда вам присылают письмо, которое вам совершенно не нужно. Например, повестку в военкомат.

⁴⁹ Сухой корм для сов. Состав: вкусовые добавки, усилители вкуса, закрепители вкуса, консерваторы (E202), антиокислители (E310, E320), ароматизаторы, красители, идентичные натуральным, сушеные мыши (не менее 5 %, гарантия изготовителя). – Примеч. спонсора издания.

по полу разноцветные квадратики. Возле Гаттера остался только тихо жужжащий и пахнувший озоном радиоуправляемый филин, который от полноты чувств взмыл к потолку, совершил несколько эффектных кульбитов и свалился на голову Порри.

– Эй, Филимон, спокойнее! – рассмеялся мальчик. – Ты меня без глаз оставишь, чучело электрическое!

Филин перебрался с головы на плечо. Порри почувствовал на мочке уха слабый, почти нежный электрический разряд. В дюралевых внутренностях птицы продолжало жужжать и искрить.

Гаттер подключил заурчавшего Филимона к аккумулятору, работавшему от солнечной батареи (электричество в Первертсе даже не было запрещено – его просто не было), и отцепил от Генриетты мамино письмо.

Мэри Гаттер писала, что у них все хорошо, папоротник в палисаднике расцвел по второму разу, папа из-за подготовки к выборам пропустил финал Кубка Среднеземья, а омоложенный Кисер третий месяц где-то шляется. На прошлой неделе кто-то выколдовал из погреба все варенье, скорее всего, соседский сорванец, так напоминающий Мэри маленького Порри, – «...ах, каким же славным мальчуганом ты был, надеюсь, тебя еще не отчислили, ты же не хочешь свести в могилу своего отца...»

В этом месте мамины изящные строчки прерывались, и начинались папины каракули, в которых тот хвастался, что

уговорил финалистов Кубка показать матч в записи. При этом его любимый «МЮ» забил даже больше голов, чем в прямой трансляции, но все равно продел, и опять из-за судейства, потому что этот старый болван арбитр за сто семьдесят лет так и не выучил правила...

В дверь стукнули. Хорошо так стукнули, по-взрослому, – дверь распахнулась, грохнулась о стену и повисла на одной петле.

Дубль Дуб, нагнув голову, шагнул в дверной проем и остановился. Непривычное выражение грусти придавало его физиономии почти человеческий вид.

– Чего приперся? – спросил мальчик. – В смысле, как дела?

– Там Мергиона, – ответил Дуб. – Она заболела.

К своему стыду, Порри почувствовал, что ему полегчало. Так вот почему друзья его не встретили! Значит, все в порядке! Он расплылся в улыбке, но тут же спохватился.

– Мерги заболела? А что с ней?

– Это... – Дубль напрягся, пытаясь вспомнить нужное слово, но так и не смог. – Плохо ей.

– Понятно, – протянул Порри. – А Сен что, за ней ухаживает?

– Нет, – подробно разъяснил ситуацию Дуб.

– Я сейчас, – торопливо сказал мальчик. Он отложил мамино письмо, решив, что раз в первых строчках не сообщалось о чем-то действительно важном (например, «Здрав-

ствуи, сын, наш дом сгорел»), то и в конце ничего сверхсрочного не будет. Гаттер быстро черкнул стандартный ответ: «У меня все в порядке, целую. Порри», пристегнул конверт к Генриетте и выбежал из комнаты. Дубль молча последовал за ним.

Возле преподавательской внимание Гаттера привлекло объявление, наклеенное поверх расписания занятий. После случая с Каменным Философом Порри дал себе клятву внимательно изучать все объявления, плакаты и даже лицензионные соглашения. Поэтому он подошел поближе и прочитал.

Категорически!

Запрещается применять волшебные палочки без санкции ректора. Во внеучебное время личные палочки должны находиться в опечатанных чехлах.

Если вы заметили, что кто-либо направляет палочку на другого мага, немедленно соваграфируйте в ректорат. Запрещается покидать спальные корпуса, кроме как для посещения занятий. И приема пищи.

Ректор Бубльгум Б. В.

Объявление объясняло многое: отсутствие встречающих, пустоту в коридорах, зашуганность встречающих студентов. Но само объявление оставалось загадкой. Порри дважды перечитал его, но ничего не понял. Когда он взялся перечитывать текст в четвертый раз, за спиной раздался ленивый протяж-

ный голос:

– Па-а-ачему не в корпусе? Па-а-апрошу документы! Пра-а-айдемте!

Порри испуганно оглянулся. К стене напротив прислонилась бесформенная фигура в пятнистой одежде. Вопреки распоряжению ректора, фигура направила на мальчика здоровенную волшебную палочку. Палочка была полосатой!

– Так, – довольно сказал ментодер, – нарушаем.

– Я ничего не нарушил! – попытался протестовать Порри, чувствуя, как тяжелая магия ментодера лишает его остатков мужества.

– Ничего?! Совсем ничего? – ментодер отклеился от стены, приблизился к Гаттеру, и пустые серые глаза, казалось, проникли в самое сердце мальчика. – Разбитая банка варенья двенадцатого апреля. Взлом базы данных ФБР двадцать четвертого мая. Драка с соседским гоблином двадцать пятого июня.

– Пустите! Что я вам сделал? Отпустите меня!... – Порри почувствовал, что сейчас заплачет.

– Отпустить? Может быть. Гони пятьдесят штук.

Плохо соображая, что делает, Гаттер полез в карман и уже почти достал монеты, когда чья-то властная рука схватила его за запястье.

– Не вздумай давать ему деньги!

В другое время незапланированная встреча с мисс Мак-Канарейкл огорчила бы Порри, но сейчас он был вне себя

от счастья. Открыв глаза («И когда только я их успел закрыть?»), мальчик увидел прямо перед собой рассерженное лицо декана.

– Не давай ему деньги! – повторила она. – Ни при каких обстоятельствах! Иначе твое астральное тело и твой кошелек попадут в вечное и беспросветное рабство!

В этот момент Порри отчаянно пожалел о том, что не отрастил себе приличные астральные мускулы, хотя отец сто раз повторял: «В здоровом астральном теле – здоровый астральный дух».

Сьюзан повернулась к ошетинившемуся ментодеру:

– Уходи! Пошел прочь! Или мне позвать адвокатов?

Ментодер еще секунду попытался гипнотизировать МакКанарейкл, потом перевел взгляд на Дубля, пробормотал: «А, это ты», – и направился по коридору, небрежно постукивая палочкой по голенищу сапога.

Сьюзан перевела взгляд на Порри, и он отметил, что бесстрашная деканша тоже напугана, ну, может, чуть меньше, чем он сам.

– Мисс Сьюзи (МакКанарейкл очень любила, когда ее так называли), а кто такие адвокатусы?

– Это такие мифические существа, которые, по преданию, могут одолеть ментодеров в открытом поединке. У нас они не встречаются, только там, на Заокраинном Западе, – Сьюзан вздохнула. – Но эти твари их боятся.

– А почему они вообще здесь? И зачем отменили палоч-

ки? Что тут случилось? И что с Мергионой? И почему Сен...

– У тебя очень много вопросов, Гаттер, – сказала МакКанарейкл, – а у меня слишком мало ответов. Ладно, пошли, я тебя провожу до корпуса, заодно и расскажу, что тут творилось в последние дни. Дубль, ты можешь возвращаться к хозяйке!

Дуб послушно повернулся и быстро зашагал в сторону медицинской башни. Порри не понравилась его торопливость.

– Мисс Сьюзи! – попросил он. – А можно мы тоже заглянем к Мергионе? На секундочку! А то потом меня не выпустят из корпуса!

– Это уж точно, не выпустят. Ладно, только быстро. И аккуратно там, не сболтни лишнего, – МакКанарейкл решительно двинулась вслед за Дублем.

– Да, – согласился Порри, едва поспевая за преподавательницей, – если Мерги чего-нибудь сболтнуть, она и в жабу превратить может.

– Не может, – буркнула МакКанарейкл, – она теперь никого ни во что превратить не может.

Какое-то время Порри пытался переварить услышанное.

– Что вы имеете в виду? Она разучилась колдовать?

– Гаттер, не вздумай такое ляпнуть при ней! Она и так на себя не похожа, – мисс МакКанарейкл замедлила шаг. – Я ведь в ее годы такая же была. Лихая и отчаянная (Порри готов был поклясться, что в голосе Сюзан появились нежные нотки). И рыжая!

– Правда? – не удержался Гаттер, который привык к тому, что деканша меняет цвет волос по три раза на дню.

– Еще какая! Это теперь приходится краситься, чтобы скрыть седину, – преподавательница подмигнула Порри, но тут же помрачнела. – Я-то могу себе представить, каково бедной девочке.

– Но как это случилось? Неужели... Мордевольт?

– Нет, не Мордевольт.

– А кто?

– Сен Аесли.

Порри остановился так резко, что чуть не упал.

– Мисс Сьюзи, – осторожно сказал он, – мы все восхищаемся вашим чувством юмора, но я серьезно спросил. Извините.

– А я серьезно ответила. Не извиняйся, я бы сама не поверила. Но я это видела собственными глазами. Позавчера, в тот же день, когда я вернула на место Каменного Философа. Ох и наслушалась я от него пророчеств, пока реставрировала! Кстати, благодаря твоему щекотанию нашего символа, Бубльгум сделал то, что ему не удавалось сорок лет – пробил фонды на капремонт. Квадрит пообещал прислать лучшую бригаду гномов. Обычное дело – пока что-нибудь не навернется, никто и не почешется⁵⁰. Когда... Что-то я много бол-

---

⁵⁰ Авторам удалось раздобыть фрагмент докладной записки Бубльгума в правительство: «...Несчастный случай, произошедший с очистным сооружением, известным как Каменный Философ, нарушил баланс сил добра и зла. Канализируемая черная магия застаивается, из всех углов лезут Нечистые, вместо старых

таю не по делу. Короче. В тот самый день мы отработывали технику проведения волшебных дуэлей...

— А разве это есть в программе?

— В моей — есть. Я должна научить вас всему, что пригодится в жизни. Не хватало еще, чтобы мой ученик не мог поколотить какого-нибудь слезайблиннца только потому, что я не рассказала ему о правилах дуэли. Конечно, Мерги тут же вызвалась попробовать. И потянула с собой Сена. Ну ты представляешь себе мистера Аесли: «К вашим услугам, мадемуазель», «Я заранее признаю себя побежденным» и прочие ужимки. А потом наш чистоплюйчик вскидывает палочку, произносит заклинание *Щас-как-дам...* А вместо обычной оплеухи, от которой Мерги легко увернулась бы, из палочки вылетает ворох фиолетовой дряни! И Мергиона Пейджер, колдунья в восемнадцатом колене, стоит, как оплеванная, и не может наколдовать себе стакан сока!

К концу монолога мисс МакКанарейкл разъярилась настолько, что перестала себя контролировать. А поскольку у нее-то волшебная сила не пропала, Порри решил немного подотстать — иначе приходилось перепрыгивать через гремучих змей и уворачиваться от взрывающихся лягушек.

Преподавательница сама почувствовала, чтохватила через край, сбила огонь с портьеры и продолжила немного по-

---

добрых заклинаний получают новые недобрые. А кто ответит за все это?» Железная аргументация ректора (особенно его последний аргумент) так убедила чиновников, что те выделили сумму, которой хватило бы для постройки нового Первертса.

тише:

– Аесли теперь под замком, но, по-моему, его просто подставили. Слишком мало каши ел, чтобы сварганить уменьшенную копию мордевольтовой Трубы. Министерство переполошилось, прислало этих пятнистых уродов. Бубльгум запретил волшебные палочки. Деканы от собственной тени шарахаются. Еще немного – и можно будет открывать филиал Безмозглона.

МакКанарейкл с ходу заколотила в ворота медицинской башни, проигнорировав и висящий рядом колокольчик, и аккуратную табличку: «Осторожно потяните за веревочку. Подождите. Если никто не вышел, значит, идет операция. Приходите завтра. Осторожно потяните...»

– Мадам Камфри! Это профессор МакКанарейкл! Впустите посетителя!

– А разрешение? – раздалось из-за двери. – У вас есть разрешение? Я никого не пущу без разрешения.

– Тереза, – проворковала преподавательница, – похоже, на распитие спиртных напитков в рабочее время у вас разрешение есть. Вы что, хотите неприятностей?

Дверь тотчас распахнулась. Мадам Камфри держалась молодцом, хотя и за косяк двери.

– Это не спиртные напитки, – с достоинством ответила она, – это чистый спирт, которым я протирала раны.

– Видимо, душевные, – хмыкнула Сюзан. – Проведите молодого человека к мисс Пейджер, через пятнадцать минут

я его заберу.

Порри вошел в больничный корпус, и вот тут-то ему стало по-настоящему страшно. Двери во все палаты распахнуты, все кабинеты и процедурные открыты – и нигде ни одной живой души.

– Всех выписали! – покивала головой мадам главврач. – Целая больница для одной-единственной пациентки. Даже этот, с куриной лапой, убежал. Говорит: «Ничего, рассосется!» Все боятся заразиться. И знаешь что, – старушка резко придвинулась к Порри, и тот уловил явственный запах спирта, – я тоже боюсь! Так что иди дальше сам. Тринадцатая палата.

Перед дверью палаты № 13 Порри постоял, собрался с духом и зашел внутрь.

На койке сидела девочка, смутно напоминающая Мергиону. Но это была совсем другая девочка. Серое отекавшее лицо, безвольно свисающие руки и взгляд – пустой, как водопроводный кран в Тель-Авиве. И волосы какие-то блеклые, словно облитые ржавой водой, а не пылающая рыжая шевелюра Мерги.

– Эльфы низко летают, – тихо сказала пациентка, продолжая неподвижно смотреть в окно, за которым маячил затылок верного Дубля. – Скоро зима.

К кровати была прикручена табличка: «Мергиона Пейджер. 11 лет. Wizardus Anemia, острая форма».

– Мерги! – осторожно произнес Порри. – Мерги! Это ты?

Пациентка повернула голову:

– Нет. Это не я. Уходи.

– Мерги! – Порри чувствовал, что нужно что-нибудь говорить, нести любую чушь, лишь бы снова превратить эту пустую опухшую куклу в Мергиону – грозу всех мудлов и проблему всех магов. – А чего ты... не накрашенная?

– Вся моя косметика волшебная, – безжизненно ответила девочка, – я больше не могу ею пользоваться.

– Хочешь, я принесу тебе мудловской? Я могу послать за ней Филимона. Что тебе там надо? Помада... э-э-э, ну и всякое такое?

– Неси, – неожиданно злобно ответила Мерги, – мудловскую помаду, мудловскую одежду, мудловскую еду. Теперь у меня все всегда будет мудловское! А вы будете жить себе своей обычной волшебной жизнью! А я! Я!.. Уходи отсюда, тебе все равно не понять! Ты никогда не станешь простым мудлом, несмотря на все свои технические штучки! Оставь меня в покое!

Мергиона бросилась на кровать и накрылась с головой одеялом. Что-то маленькое и круглое покатилося к ногам Порри. Вглядевшись, он с огромным трудом узнал волшебную пудреницу Мерги, ту самую пудреницу, которую Пейджер когда-то так легко превратила в поисковую интернет-систему, а теперь – серую и безжизненную, как и ее хозяйка.

«Пр-р-ростым м-м-мудлом? – вдруг зазвучал в ушах Пор-

ри вкрадчивый голос. — Н-нн-не дум-мм-маю».

Гаттер завертел головой. Никого. Вообще никого. А голос продолжил:

«Если и м-мм-мудлом, то очен-ннн-нь непростым-мм-м. Пр-rrr-равда, Пор-rrr-ри?»

Что-то мягкое коснулось щеки мальчика.

Порри пулей вылетел в коридор и бежал до самого выхода. Мадам Камфри сидела на посту и потягивала подозрительную коричневую жидкость из граненого стакана. Впрочем, теперь Порри понимал ее гораздо лучше, чем десять минут назад.

— Уже уходишь? — пробормотала колдунья. — Так быстро? Может, посидишь еще?

Мальчик забарабанил в дверь:

— Мисс Сьюзи! Мисс Сьюзи! Скажите ей, чтобы она меня отпустила!

— Камфри! — рявкнули из-за двери. — Считаю до трех! Если мальчик не выйдет, я наплюю на все ректорские декреты и расчехлю свою палочку. Раз...

— Ладно-ладно, что вы так разгорячились, — мадам Камфри, пошатываясь, подошла к двери и принялась тыкать ключом в замок. — Вот все кричат, нервничают, теряют этот... имутет, а потом лечи их неизвестно от чего...

Как только Порри оказался снаружи, МакКанарейкл быстро осмотрела его со всех сторон и вдруг сказала:

— Гаттер. Видишь вон ту форточку? Прикрой ее, пожалуй-

ста.

– Но она очень высоко. Я не достану.

– А палочка? – вкрадчиво спросила мисс Сьюзан и почему-то отступила на шаг назад. – Разве ты не можешь использовать магию?

– Но в объявлении было сказано...

– В приказе было сказано не направлять палочку на людей. И хранить в чехле. Моя, например, как раз в чехле, поэтому я и прошу твоей помощи.

Тут Порри заметил, что преподавательница что-то судорожно сжимает под мантией.

– Ну ладно, если вы просите...

– Очень прошу.

Гаттер пожал плечами, извлек свою палочку, взмахнул ею и произнес: *Клоуз-дуит*. Форточка немедленно захлопнулась.

– Ф-ф-у! – облегченно вздохнула МакКанарейкл и выпростала руки из складок одежды. – Плюс сто баллов за... за... за все! – Преподавательница в порыве чувств чмокнула Порри в макушку.

– А-а-а! – мальчика осенило. – Так вы боялись, что я заразился?

– Не то чтобы я за тебя боялась, – откровенно ответила Сьюзи. – Как-то не представляю себе Порри Гаттера, подхватившего Wizzardus Anemia, уж извини за комплимент. А вот твоя волшебная палочка меня действительно очень беспоко-

ила. А теперь марш в столовую! Пропустишь ужин, придется ложиться спать на голодный желудок!

В столовой Гаттера немножко отпустило.

Во-первых, он смог снова спокойно заниматься едой, не ожидая ежесекундно атаки из-под стола или требовательно-го крика Анечки: «Порри, иди сюда, посмотри, как я тебя нарисовала!»

Во-вторых, соскучившиеся по хорошим новостям однокурсники тут же окружили его и потребовали рассказать, как ему удалось уцелеть. Особенно учеников интересовала судьба Клинка, который после прибытия и посещения врача заперся у себя в кладовке, на все вопросы грязно ругался и грозился всех вздернуть на реях.

Испортил настроение бестолковый Кряко Малхой, за-завившийся с невинным вопросом:

– А раз теперь Пейджер не будет с тобой за столом сидеть, можно, я буду?

– Слушай, ты! – Порри тряхнул Малхоя так, что тот уда-рился подбородком о хилую грудь. – Мерги больна, но она скоро выздоровеет и снова будет сидеть здесь! А пока ее ме-сто займет... вот он! Дубль! Иди сюда! Пока Мергионы нет, будешь сидеть здесь.

Дуб послушно перебрался на указанное место и грустно уставился на оставшуюся в одиночестве недоеденную тарел-ку овсянки.

– Еду тоже можешь перенести сюда, – терпеливо объяснил

ему Порри. – А ты, Кряк, вали отсюда, пока цел!

Несмотря на маленькую победу над Малхоем, настроение снова упало до нуля. Пообещав любопытствующим рассказать про Бэби-Сити «как-нибудь после», Порри кое-как дожевал ужин, запил теплым компотом и отправился спать.

У самого выхода из зала его догнал Дуб.

– А мисс Мерги когда выздоровеет?

– Не знаю, Дуб. Но я что-нибудь придумаю.

– А-а-а. Хорошо, – сказал Дубль и впервые в жизни улыбнулся.

Порри почувствовал себя сволочью и обманщиком. «Он ведь как ребенок, – подумал мальчик. – Дядя А говорит, что детям врать нельзя».

– Слушай, Дубби, – Гаттер схватил увальня за руку, – чтобы помочь Мерги, я должен знать как можно больше. Ты видел, как это было?

– Да, – сказал Дубль и внимательно посмотрел на Порри, ожидая дальнейших распоряжений.

– Расскажи мне, как все произошло. Начни с того момента, когда их вызвали изображать дуэль.

– Мисс Мерги смеялась. Она говорила, что мистер Сен промажет. А мистер Сен стоял там. Он поднял палочку. Оттуда вылетело... такого цвета...

– Фиолетового?

– Что?

– Ну... О! Смотри! Видел, какого цвета только что была

мантия у профессора Лужжа?

– А, да, такого цвета. И мисс Мерги упала.

Дубль скорбно замолчал.

– Понятно, – сказал Порри. («Негусто», – подумал он.)

– А статуя сказала... – неожиданно продолжил Дубль.

– Что? Кто?

– Статуя. Которую мистер Порри уронил.

Сердце Гаттера на секунду остановилось. Слова Философа хрипло зазвучали у него в голове: «Зря ты сюда пришел, маленький мальчик. Именно здесь тебя и найдет В.В.»

– Дубби! Ты ничего не перепутал? Это было в Зале Трансцендентальных Откровений?!

– Что?

– Ну там, где стоит Каменный Философ?

– Там! – ответил Дубль после небольшого размышления. – Точно там. Учительница показывала, как она починила каменного... статую. А когда мисс Мерги упала, учительница сказала отнести ее в больницу. Я отнес. Я правильно сделал? – забеспокоился Дубль.

– Да, ты молодец, – Порри почувствовал, что голова у него сейчас пойдет кругом, – спасибо тебе. Теперь мы быстро вылечим мисс Мерги. Постой! А что... сказала статуя?

Дубль сморщил лоб, с минуту молчал, потом облегченно вздохнул и произнес:

– Она сказала: «Ну все, началось».

Как Гаттер оказался в своей комнате, он не помнил. Про-

сто в какой-то момент Порри осознал, что сидит на краю кровати, сжимая в руке недочитанное мамино письмо и непонимающе глядя на ровные строчки Мэри Гаттер:

...Гинги пишет, что у тебя в школе все нормально, насколько это вообще возможно при твоём отношении к учебе. Боюсь она не хочет меня расстраивать. Твоя двоюродная тетка Чиингиixa (помнишь, семь лет назад она гостила у нас и учила тебя красиво падать с метлы) открыла где-то в Азии⁵¹ Центр приобщения мудлов к смыслу жизни магов, зовет меня читать лекции для новообращенных компьютерщиков (вот такая у меня репутация благодаря тебе, спасибо). Её любимый кот Пуховик забрался на дерево и сидит там две недели, не может слезть, Чиингиixa уже думает, что он просто не хочет.

*Ну, это все пустяки, главное, что ты еще жив.
Целую, твоя мама.*

Ты, главное учись хорошо!

– поучаствовал в воспитательном процессе папа.

Дочитав родительское послание до оптимистичного финала, Порри собрался спрятать письмо в конверт, как вдруг увидел в самом низу страницы приписку:

P.S. Вчера приходил странный человек, по виду – типичный болгарский иммигрант. Он сказал, что я

---

⁵¹ Где-то в Азии? Ну-ну. Конечно, для жителей Британии все, что дальше Франции – Азия.

должна немедленно проверить, не лежат ли в комнате мальчика Порри какие-то трубочки, плюющиеся фиолетовыми искрами («Порчика Малли, – сказал этот тип, – плюбочки трующиеся искроветовыми фикрами»). Я решила, что это коммивояжер, торгующий фейерверками, и пригрозила спустить собак. Он убежал, а я вспомнила, что собак-то у нас и нет. Как легкомысленно с моей стороны.

В голове Гаттера, словно в чане с его любимыми реактивами, смешалось все: болгарский иммигрант, голос в палате, пророчество Каменного Философа, обезмаженная Мерги, арестованный Сен, вернувшаяся из прошлого труба Мордевольта, ментодеры, несуществующий старшекурсник в поезде, призрак на картофельном поле. Казалось, еще чуть-чуть – и кусочки этого странного пазла сложатся в простую и ясную картинку, но каждый раз что-то не стыковалось. Время от времени в памяти всплывал крик Мергионы: «Ты никогда не станешь простым мудлом!» – и в этом тоже был скрытый смысл.

Всю ночь Порри пытался соединить фрагменты то так, то эдак и только со звонком будильника понял, что делал это во сне.

Глава 11. Тайна Саддама Хусейна

Будильник сегодня был особенно настойчив. Сначала он долго и нудно звонил, потом кукарекал, потом подошел к Порри и принялся трясти его за плечо. Мальчик только отбивался подушкой и переворачивался на другой бок.

– Как знаешь! – продребезжал будильник. – Придется принять крайние меры. Или все-таки встанешь?

Ответом было мычание.

– Ты сам этого захотел! – сказал зловерный механизм. – Приступим. На чем я остановился в прошлый раз? Ага. Параграф 18 Постоянного уложения о правилах поведения в Высшей школе магии. Учащиеся имеют право употреблять только заклинания, указанные в учебной программе Школы

и занесенные в утвержденные министерством пособия. Использование дополнительных заклинаний допускается только в присутствии...

Порри тихо взвыл, но глаз не открыл.

– ...в присутствии! – с нажимом повторил будильник. – Специальной Комиссии, состоящей из декана факультета, преподавателя техники безопасности и медицинского работника...

– Надо потренироваться... – заметил Порри словно бы сквозь сон. – А то нам задали заклинание по разбиванию будильников, а я еще не потренировался.

Будильник поперхнулся:

– Врешь ты все, нет такого заклинания! Или есть? Нет, я бы знал. Ха. Продолжим. Кстати, в любом случае не советую. Если со мной что-нибудь случится, сюда повесят часы с кукушкой. А эта птица никого не будит...

– О! Отлично! – оживился Порри.

– ...потому что никому заснуть не дает. Слушай дальше. Сейчас интересно будет. Категорически запрещается применять раскорючивающие заклинания типа *Ревмарадикулитус* по отношению к лицам, чей возраст превышает двести пятьдесят шесть лет. Думаю, понятно, на чем основывается этот мудрый запрет?

– Наверное, эти заклинания однобайтовые, – мстительно ответил технически грамотный Порри.

Будильник надолго задумался, копаясь в своей будильни-

чьей памяти.

– Хм, – наконец произнес он, – тебе еще многому предстоит научиться. Но еще больше предстоит забыть. А ты, я вижу, встал? Я делаю успехи. Теперь умывайся, а я пошел.

– Куда?

– Какая разница? Часы должны ходить, в этом и состоит их высшее предназначение, – философски заметил будильник и скрылся в неизвестном направлении.

Мальчик нашарил на тумбочке часы марки «Флай» – механические, не разговаривающие и потому любимые. Часы молча показывали половину восьмого. Порри чертыхнулся и в очередной раз пообещал себе обязательно отловить и отключить будильник. Вставать в такую рань было совершенно незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.